

АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

О. С. Иоффе
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

ТОМ II

Олимпиад Соломонович Иоффе
Избранные труды. Том II
Серия «Антология юридической науки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11155955
Избранные труды. Том II: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2004
ISBN 5-94201-287-3, 5-94201-234-2

Аннотация

Во втором томе избранных трудов О. С. Иоффе представлена вышедшая в 1967 г. работа «Советское гражданское право», посвященная вопросам общей части гражданского права и праву собственности. Общие положения об обязательствах в данный том не вошли. Концептуальная и всесторонняя разработка проблем обязательственного права содержится в фундаментальном труде ученого «Обязательственное право», опубликованном в 1975 г. в издательстве «Юридическая литература», и войдет в третий том избранных трудов О. С. Иоффе.

Для научных работников и специалистов-практиков, а также для студентов и аспирантов юридических вузов.

Содержание

Предисловие	5
Заметки об учителе (воспоминания)	9
Советское гражданское право[5]	11
Раздел I	11
Глава 1	11
§ 1. Понятие советского гражданского права	11
§ 2. Задачи и принципы советского гражданского права	23
Глава 2	31
§ 1. Система отрасли гражданского права	31
§ 2. Система курс	34
Раздел II	36
Глава 1	36
§ 1. Источники советского гражданского права	36
§ 2. Применение и толкование гражданско-правовых норм	43
§ 3. Действие гражданско-правовых норм	54
Глава 2	59
§ 1. Понятие и содержание гражданского правоотношения	59
§ 2. Элементы гражданского правоотношения.	67
Задачи общей части курса советского гражданского права	
Глава 3	68
§ 1. Общие положения	68
§ 2. Граждане как субъекты гражданского права	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Олимпиад Соломонович Иоффе Избранные труды. Том II

© О. С. Иоффе, 2004

© А. П. Сергеев, предисловие, 2004

© Т. А. Фаддеева, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой первый том из задуманного О. С. Иоффе трехтомного курса лекций по гражданскому праву, написанного на базе кодифицированного в начале 60-х годов законодательства. Однако в свет вышли лишь два первых тома¹, посвященных, соответственно, общей части гражданского права и праву собственности (т. 1) и обязательственному праву (т. 2). Третий том, в состав которого должны были войти разделы, посвященные творческим правоотношениям, семейному и наследственному праву, под маркой издательства «Юридическая литература» так и не появился².

Подготовка авторского курса лекций – не только весьма трудоемкий, но и ответственный шаг, который в советское время был сделан немногими цивилистами³. Впрочем, в дореволюционной России издание курсов лекций учеными, читавшими соответствующие курсы, было достаточно обычным делом, что подтверждают книги К. Н. Анненкова, Е. В. Васьковского, Н. Л. Дювернуа, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, К. П. Победоносцева, Г. Ф. Шершеневича, П. П. Цитовича и др.

Значимость представляемой книги определяется уже тем, что в ней содержится одно из первых систематических изложений общих положений советского гражданского права после его второй кодификации. Все изданные в последующие годы учебники по гражданскому праву так или иначе опирались на работу О. С. Иоффе. При этом названной книгой был задан достаточно высокий уровень изложения материала, на который приходилось равняться другим авторам, что в известной мере способствовало появлению в конце 60-х – начале 70-х годов нескольких весьма квалифицированно подготовленных учебников по гражданскому праву⁴.

Хотя книга написана на основе положений Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. и иных актов гражданского законодательства, действовавших на момент ее подготовки, она не утратила своей актуальности и в настоящее время. Конечно, в связи со значительными изменениями в законодательстве данный курс лекций едва ли может использоваться в качестве учебника по гражданскому праву нынешними студентами юридических вузов и факультетов. Однако те фрагменты книги, которые посвящены изложению теоретических вопросов общей части гражданского права, в большинстве своем не только не потеряли своей значимости, но подчас приобрели новое звучание с позиций тех изменений, которые произошли в гражданском законодательстве.

Приведем лишь один пример на этот счет. Как известно, действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (в дальнейшем – ГК РФ) не включил в предмет гражданского права личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными. В соответствии с п. 3 ст. 2 ГК РФ неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага не регулируются, а лишь защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Данное решение этого спорного вопроса полностью совпадает с позицией О. С. Иоффе, который в своих работах, в том числе на страницах настоящей книги, последовательно отстаивал идею о том, что рассматриваемые отно-

¹ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967; Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1976.

² Читатели, желающие ознакомиться с воззрениями О. С. Иоффе по указанным вопросам, могут обратиться к части третьей курса лекций, опубликованных издательством ЛГУ в 1965 г.

³ См., например: Шретер В. Советское хозяйственное право. М.-Л., 1928; Вильянский С. И. Лекции по гражданскому праву. Харьков. 1958, 1961; Лаасик Э. Советское гражданское право. Часть Особенная. Таллин. 1980 и др.

⁴ См., напр.: Гражданское право. Т. 1 / Под ред. П. Е. Орловского и С. М. Корнеева. М... 1969; Советское гражданское право. Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1968; Советское гражданское право. Т. 1 / Под ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстого, Б. Б. Черепахина. Л., 1971.

шения лежат за пределами предмета гражданского права. «Происходит это потому, – писал О. С. Иоффе, – что такие отношения либо регулируются другими отраслями права (например, порядок присвоения и изменения имени определяется нормами административного права), либо (как, например, связанные с честью и достоинством) по самой своей природе допускают лишь юридическую охрану и исключают возможность правового регулирования. Но предмет всякой отрасли права определяется кругом регулируемых, а не охраняемых ею отношений».

Разумеется, далеко не все теоретические конструкции, которых придерживался О. С. Иоффе на момент создания книги, выдержали испытание временем. Некоторые из них были переосмыслены или, по крайней мере, уточнены самим ученым в его последующих работах, другие утратили актуальность в связи с коренными изменениями, которые произошли в общественной жизни и в законодательстве, третьи не получили поддержки ни в науке, ни у законодателя. Однако при всем этом для современного читателя остается полезным знакомство с самим подходом автора к решению ключевых проблем цивилистики и логикой его научного анализа. В этом смысле книга может служить одним из примеров стройного и последовательного изложения материала общей части гражданского права.

Не свободна книга и от идеологических штампов, свойственных юридической литературе того времени. С позиций сегодняшнего дня читателю могут, например, показаться странными те положения, которые рассматривались автором в качестве принципов гражданского права; весьма тенденциозной выглядит критика автором деления права на публичное и частное; трудно признать оправданными резкие выпады автора против многих норм буржуазного гражданского права и теоретических воззрений западных правоведов, и т. п.

Однако нужно учитывать, что, во-первых, в те времена без прочной опоры «на незыблемый теоретический фундамент марксизма-ленинизма» многие научные и, тем более, учебные работы по гражданскому праву просто не дошли бы до читателя. Поэтому на целый ряд положений идеологического характера, которые содержатся в книге, едва ли нужно обращать внимание, рассматривая их как своего рода дань времени. Во-вторых, О. С. Иоффе, как и другие известные советские цивилисты, в те годы, по-видимому, верил в возможность осуществления многих коммунистических идеалов. Со временем жизнь все расставила по своим местам.

Важно отметить такое достоинство книги, как четкий и простой стиль изложения материала. О. С. Иоффе был блестящим оратором, на лекциях которого неизменно был аншлаг. Послушать его приходили не только студенты-второкурсники (он неизменно читал общую часть гражданского права), но студенты старших курсов, аспиранты, выпускники и гости факультета. Слушателей завораживали стройность, логичность и образность речи О. С. Иоффе, отточенность его аргументации и полемический задор, с которым излагались спорные положения общей части гражданского права. Полемического задора не утратили и его зарубежные публикации, в том числе самого последнего времени.

Сверяя данную книгу с конспектом лекций О. С. Иоффе, которые мне довелось прослушать в середине 70-х годов, могу заметить, что в целом они совпадают по структуре и основному содержанию. Конечно, лекции по сравнению с книгой более лаконичны и доходчивы; в книге, помимо изложения основных понятий общей части гражданского права, содержится обширный справочный материал, имеются выверенные примеры из законодательства и судебной практики, приводятся цитаты из работ других авторов и т. п. Кроме того, в конспектах лекций, который я старался вести наиболее подробно, не обнаружилось ни одного очевидного идеологического штампа, ни ссылок на высказывания классиков марксизма-ленинизма, ни нападок на буржуазное право и западные правовые теории.

Являясь первой частью трехтомного курса лекций, книга включает три раздела. В первом из них – Введении – автор рассматривает, прежде всего, понятие гражданского права

в трех его основных аспектах: как отрасли советского права, как науки и как учебной дисциплины. Основное внимание, по понятным причинам, сосредоточено на анализе предмета и метода гражданско-правового регулирования. Взгляды ученого на эти проблемы не утратили своей актуальности и сегодня, поскольку вполне созвучны с тем, как строится изложение аналогичных вопросов в современных учебниках по гражданскому праву.

Непреходящую научную и методическую ценность имеет, безусловно, гл. 2-я книги, в которой излагаются взгляды О. С. Иоффе на систему гражданского права как отрасли и учебной дисциплины. Так, современному читателю будет интересно узнать, что ученый всегда был сторонником включения в систему гражданского права в качестве одного из его разделов семейного права. В те годы, когда была написана книга, такой подход отвергался большинством ученых, считавших семейное право самостоятельной отраслью советского права. В настоящее время данное решение уже не выглядит странным, а, напротив, получает все большее признание в отечественной науке. Так, в учебнике по гражданскому праву, подготовленном коллективом кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета, семейное право рассматривается в качестве составной части гражданского права.

Второй раздел книги включает в себя шесть глав, в которых последовательно рассматриваются вопросы, образующие Общую часть гражданского права. Все эти главы, несмотря на изменения в законодательстве, не утратили своей актуальности, поскольку в них достаточно большой удельный вес занимает освещение теоретических вопросов. В частности, познавательный интерес имеет гл. 2-я данного раздела, посвященная гражданскому правоотношению, которое было предметом научного анализа автора на протяжении двух десятилетий. За время, прошедшее с момента выхода в свет в 1949 г. работы «Правоотношение по советскому гражданскому праву» (данная работа опубликована в т. 1 «Избранные труды», СПб., 2003 г.), взгляды ученого на некоторые аспекты правоотношения были им пересмотрены и стали более взвешенными и аргументированными.

Научный, да и во многом учебный интерес сохраняют для читателей и остальные главы данного раздела, в которых в обобщенном виде рассматриваются элементы гражданского правоотношения, а также основания их возникновения и способы их защиты. Так, актуальны высказывания О. С. Иоффе о соотношении гражданской правосубъектности и конкретных субъективных прав, изложение и критика теоретических воззрений на сущность юридического лица, предложенная им конструкция представительства и др. Блестяще написана гл. 5 «Основания возникновения гражданских правоотношений», в которой основное место занимает анализ гражданско-правовых сделок. Указанная глава, несмотря на изменения в законодательстве, выглядит вполне современно и может служить образцом краткого и доходчивого изложения сложных теоретических вопросов.

Третий, заключительный раздел книги посвящен праву собственности. Он объединяет четыре главы, в которых раскрываются общие положения о праве собственности (гл. 1), виды права собственности (гл. 2), общая собственность (гл. 3) и защита права собственности (гл. 4). Значительная часть содержания этих глав, в особенности главы, посвященной видам права собственности, утратила актуальность в связи с коренными изменениями в законодательстве. Однако те части третьего раздела, в которых рассматриваются теоретические вопросы права собственности, в частности о понятии права собственности, способах приобретения права собственности, конструкции общей собственности и некоторые другие, во многом сохранили свою значимость и могут использоваться при изучении гражданского права.

Несомненным достоинством книги является то, что наряду с изложением собственных взглядов по основным дискуссионным проблемам общей части гражданского права, О. С. Иоффе приводит позиции на сей счет других авторов, «чтобы читатель имел возможность, познакомившись с ними, самостоятельно определить свое отношение к тому

или иному из предложенных в литературе решений». Кроме того, в книге даются ссылки на основные источники, по которым читатель может отыскать заинтересовавшее его произведение и изучить такое произведение более детально. В связи с этим книга представляет большой интерес для аспирантов и магистров, а также тех студентов юридических факультетов и вузов, которые желают более глубоко изучить гражданское право и, в частности, прикоснуться к науке гражданского права.

А. П. Сергеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Заметки об учителе (воспоминания)

Олимпиад Соломонович Иоффе – гордость российской правовой науки, классик цивилистической мысли, труды которого, даже созданные им более полувека тому назад в эпоху Союза ССР и на базе иной общественно-экономической формации, переиздаются, сохраняя и в наше время свою актуальность, теоретическую глубину и практическую полезность.

Однако значение работ О. С. Иоффе в развитии не только российской, но и мировой цивилистической мысли под силу определить лишь тем ученым, которые по уровню научной зрелости и вкладу в теорию права приближаются к О. С. Иоффе.

Я же, с 1953 г. множество раз слышавшая лекции, доклады, выступления О. С. Иоффе, хочу отметить всего одно свойство его публикаций, ибо напечатанные произведения О. С. Иоффе для меня сохраняют звуки его голоса, интонации, музыкальную одаренность его бесконечно богатой натуры. Думаю, что в этом ощущении я не одинока.

На лекциях О. С. Иоффе всегда было множество студентов-юристов, но не только. Приходили, а иногда из-за отсутствия мест в зале стояли и слушали в коридоре, студенты других факультетов и даже люди, далекие от права и необучавшихся в вузе. Завораживал голос лектора, его манера говорить, убеждать слушателей в полезности того, о чем он рассказывает. Лектор не связан конспектом. Каждое его слово продуманно и всегда уместно сказано. Все им выверено еще до публичного выступления. А лекция для обучающихся – всего физическая нагрузка.

Во время лекции О. С. Иоффе ходит, может крутить в руках спичечный коробок. Злые языки утверждали, что на коробочке из-под спичек записаны номера статей Гражданского кодекса, используемые О. С. Иоффе по затрагиваемой теме. Конечно, вздор. Он все и всегда прекрасно помнит.

Яркий полемист, бескомпромиссный в теоретических спорах с себе равным, О. С. Иоффе никогда не унижал тех, кто только приступал к изучению права.

Как-то при обсуждении учебника В. А. Рясенцева по семейному праву он сказал одному из первых выступавших по вопросу о месте семейного права в общей системе права (очередность выступлений на кафедре всегда определялась по принципу: от слабого к сильному и, наконец, к самому сильному): «Что я теперь скажу по этому вопросу, ведь вы обо всем уже упомянули?» Конечно, О. С. Иоффе сумел сказать обо всем глубже и обоснованнее других. Но при этом он не упрекнул ранее его выступавшего в том, что тот допустил плагиат. О. С. Иоффе понял, что «начинавшему» обсуждение трудно было отойти от логики учителя, от формы его изложения, а может быть и от собственной неумелости мыслить и излагать, как это делает О. С. Иоффе.

Во время выступлений О. С. Иоффе на кафедре его рассуждения конспектировались всеми (включая профессоров кафедры). Но никому не удавалось так же ярко, как это умеет О. С. Иоффе, преподнести его мысли студентам.

Создавалось впечатление, что О. С. Иоффе никогда не устает и никогда не чувствует себя плохо.

После тяжелых и многочасовых диспутов и обсуждений нередко устраивались застоля, во время которых самым веселым и остроумным оказывался О. С. Иоффе.

Пожалуй, только одно могло выдавать усталость О. С. Иоффе: он начинал вполголоса напевать арии из оперетт, не допуская даже малейшей фальши ни по тексту, ни в мелодии. Легкость опереточных сюжетов снимала, видимо, его усталость.

Как-то после тяжелейшего совещания в Москве по вопросам правового регулирования взаимоотношений УБР, НГДУ и промышленного объединения в нефть-газодобывающем

комплексе О. С. Иоффе, видимо, устав от доклада, напевал свои любимые мелодии, от чего всем окружающим его людям было хорошо и уютно.

Вот почему, читая его книги, статьи, другие публикации, не можешь не слышать его голос и не осознавать, что труды О. С. Иоффе не только бездонный кладезь знаний, но и источник истинного наслаждения.

*Т. А. Фаддеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета
10.11.2003 г.*

Советское гражданское право⁵

Раздел I Введение

Глава 1 Понятие и основные принципы советского гражданского права

§ 1. Понятие советского гражданского права

Определение советского гражданского права. Гражданское право – одна из отраслей советского социалистического права. Его роль в повседневной жизни нашего общества значительна.

В самом деле, воссоздайте в своей памяти события любого самого обычного дня вашей жизни, и вы убедитесь, что среди этих событий почти всегда занимают определенное место явления гражданско-правового порядка. Войдя в трамвай или автобус, вы приобретаете билет, а на языке гражданского права это означает, что вы вступили в отношения по договору перевозки. Прибыв в университет, вы сдаете пальто на вешалку, вступая тем самым в отношения по договору хранения. Во время перерыва вы отправляетесь в студенческую столовую завтракать, и здесь вам тоже приходится сталкиваться с гражданскими правоотношениями – с отношениями по договору купли-продажи. Вам необходимо сдать обувь в починку, – для этого нужно заключить договор подряда. Вы получили по читательскому билету книгу в библиотеке, а это привело к возникновению отношений по договору о безвозмездном пользовании имуществом.

Конечно, пока все идет нормально, без каких бы то ни было шероховатостей, люди обычно не думают о правовой природе отношений, в которые они вступают. Но стоит лишь, чтобы нормальный ход событий был нарушен, как правовой характер этих отношений сразу же даст знать о себе: участники таких отношений начинают предъявлять друг к другу различные претензии, требуют их исполнения, обращаются за помощью к компетентным государственным органам, хорошо понимая, что настаивают именно на защите своих прав.

Впрочем, это нередко бывает и при отсутствии каких бы то ни было ненормальностей. Мы упомянули в качестве примеров такие повседневно встречающиеся гражданско-правовые договоры, совершение и исполнение которых не связано с соблюдением каких-либо особых требований. Но ведь встречаются и более сложные отношения. Так, покупка жилого дома связана с оформлением ее в нотариате и регистрацией в исполкоме местного Совета; для приобретения права на жилую площадь нужно получить ордер в исполкоме местного Совета и заключить договор с управлением домом (домами); для получения наследства необходимо доказать свое право на него, а нередко и оформить это право. В таких и других подобных случаях уже с самого начала даже неискушенному в юриспруденции человеку становится понятным, что он имеет дело с предписаниями закона, с которыми ему и надлежит соотносываться в процессе приобретения гражданских прав и их осуществления.

⁵ Печатается по кн.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М.: Изд-во «Юридическая литература». 1967.

В еще большей степени значение гражданского права проявляется в тех отношениях, участниками которых становятся социалистические, особенно социалистические хозяйственные организации.

Для того чтобы непрерывно производить продукцию в соответствии с плановыми заданиями государства, необходимо обеспечить своевременную реализацию изготовленного и периодическое приобретение сырья, топлива, оборудования, которые будут использованы в последующих производственных циклах. И в том, и в другом случае социалистические организации заключают договоры поставки, выступая либо в качестве поставщиков, либо в качестве покупателей, в зависимости от того, реализуют ли они соответствующие предметы или приобретают их. Самый же договор поставки в процессе его исполнения очень часто обрастает разнообразными иными договорами, такими, например, как договор перевозки, оформляющий доставку груза, договор экспедиции, обеспечивающий установление связи транспорта с его клиентурой, а иногда и договор страхования, заключаемый для гарантирования интересов собственника от возможной гибели груза, договор подряда, по которому грузоотправитель или грузополучатель поручает какой-либо третьей организации выполнение погрузочно-разгрузочных работ, договор хранения, если имеется необходимость до отправки или после получения товара сдать его кому-либо на временное хранение.

Но даже и не вступая в договорные отношения, социалистические организации в самом процессе производственного использования их имущества обязаны строго соблюдать требования гражданско-правовых норм и совершать при этом лишь такие действия, которые входят в круг предоставленных им имущественных правомочий. Имущество, находящееся в обладании социалистических организаций, разбито на отдельные фонды: основные, оборотные, специальные. Каждый из этих фондов имеет свое назначение, сообразно с которым определяются и имущественные правомочия их обладателей. Поэтому последние не могут, например, использовать специальные фонды для целей, обслуживать которые призваны оборотные средства, и т. п., ибо всякое отступление от целевого назначения, установленного для данного вида имущества, причинило бы серьезный урон как хозяйственной деятельности данной социалистической организации, так и в конечном счете экономике нашей страны в целом.

Из приведенных примеров видно, что нормы советского гражданского права обслуживают весьма широкий круг социалистических общественных отношений. Их действие распространяется и на граждан, и на социалистические организации, а общественные отношения, регулируемые гражданско-правовыми нормами, могут возникать как между *гражданами*, так между *гражданами* и *социалистическими организациями*, а также между *самими социалистическими организациями* – государственными, кооперативно-колхозными, общественными (ст. 2 Гражданского кодекса РСФСР⁶). Эти отношения, *урегулированные* нормами гражданского права, получают в них свое *закрепление* и *охрану*.

Однако общественные отношения между теми же субъектами не всегда приобретают вид гражданских правоотношений. Они могут быть вообще лишены правового характера, как это, например, происходит в случаях шефства, соревнования и т. п. Становясь же правовыми, они могут относиться не к гражданскому, а к государственному, административному праву или к какой-либо иной отрасли советского права. Система советского социалистического права одним лишь гражданским правом не исчерпывается. Последнее имеет свои границы. Установить эти границы – значит, обеспечить одновременно разрешение двух задач: во-первых, определить понятие гражданского права как *отрасли* советского права и, во-вторых, поскольку оно составляет предмет изучения особой дисциплины, выявить ее сущность и определить понятие лежащей в ее основе *науки* советского гражданского права.

⁶ В дальнейшем – ГК.

Разрешение указанных задач имеет большое теоретическое значение.

Давно уже прошли те времена, когда вся сумма человеческих знаний сосредоточивалась в одной науке. Для современного уровня развития человека и общества характерна специализация наук, без которой было бы невозможным ни подлинное знание, проникающее в глубокие тайны естественных и общественных явлений, ни подлинный прогресс научной мысли.

Это, конечно, не означает, что каждая данная наука должна замкнуться в кругу своих обособленных проблем и наглухо отгородиться от всех других наук. В частности, для всестороннего изучения советского гражданского права в необходимых случаях надлежит пользоваться данными смежных отраслей юридических наук, а также материалами экономической и иногда исторической наук. В оценке различных гражданско-правовых явлений отправным пунктом должны служить основополагающие принципы науки исторического материализма. В то же время следует особо подчеркнуть, что все отрасли знаний объединены у нас единством метода исследования – метода диалектического материализма, который потому и называется мировоззрением трудящихся, что, изучая общие закономерности развития природы, общества и мышления, дает представление не о той или иной отдельной стороне объективной действительности, а о мире в целом.

Однако в указанных пределах последовательно проводится принцип специализации наук, строящейся на основаниях, исключающих возможность вторжения одной области знаний в другую. В связи с этим особую роль приобретает четкое определение предмета изучения каждой данной науки. Поэтому с такою же четкостью должен быть определен и предмет изучения нашей науки – науки советского гражданского права.

Наряду с теоретическим разрешением поставленных ранее задач имеет большое практическое значение.

Точный критерий, отграничивающий гражданское право от других отраслей советского права, используется законодателем в процессе систематизации гражданских законов – при издании гражданских кодексов и официальных сборников, включающих в себя отдельные группы гражданско-правовых нормативных актов. Вместе с тем этот критерий важен и для тех государственных органов, которые призваны обеспечивать охрану гражданских прав путем их оформления, а также разрешения споров между участниками советского гражданского оборота. Опираясь на определение, разработанное в науке, суды и другие государственные органы получают возможность с гораздо меньшими трудностями выявить природу спорного правоотношения и применить к нему нужный закон.

Из всего сказанного следует, что без определения понятия советского гражданского права его глубокое и всестороннее изучение было бы неосуществимым. Что же такое гражданское право как отрасль советского права и как отрасль советской юридической науки? Обратимся сначала к его характеристике как отрасли права (ст. 1 ГК).

Всякая отрасль права характеризуется двумя моментами: во-первых, определенным *предметом* регулирования, т. е. теми общественными отношениями, которые ею нормируются, закрепляются и охраняются, и, во-вторых, определенным *методом* регулирования, т. е. тем специфическим способом, при помощи которого государство на основе данной совокупности юридических норм обеспечивает нужное ему поведение людей как участников правоотношений.

Предмет советского гражданского права образуют, прежде всего, *социалистические имущественные отношения*.

Понятие имущественных отношений в работах классиков марксизма употребляется в различных смыслах. Иногда Маркс говорит о них как о юридическом выражении суще-

ствующих производственных отношений⁷. Имущественные отношения в таком их понимании – это правовые отношения. Они – не предмет, а результат правового регулирования, следствие того, что юридическому нормированию уже были подвергнуты какие-то иные, неправовые общественные отношения. Наряду с этим Маркс нередко пользуется понятием имущественных отношений в смысле самих производственных отношений⁸. Именно эти отношения и подвергаются воздействию со стороны юридических норм. Но возможности непосредственного правового воздействия на производственные отношения не безграничны, так как по своей сущности, по своему материальному содержанию последние объективны и от воли людей не зависят. В то же время, будучи отношениями между людьми, они немислимы вне волевых актов, вне волевой деятельности человека. Поэтому наряду с материальным содержанием существует волевое опосредствование производственных отношений. А поскольку право имеет дело лишь с волевыми поступками, то и имущественные отношения в качестве объекта прямого правового воздействия представляют собой не что иное, как общественно-производственные отношения, взятые в пределах их волевого опосредствования. И только через это опосредствование право способно оказывать также косвенное воздействие на самое материальное содержание общественно-производственных отношений.

Но сказанным суть проблемы не исчерпывается, ибо если имущественные отношения – это действительно самые производственные отношения, взятые в пределах их волевого опосредствования, то не всякое волевое опосредствование производственных отношений есть в свою очередь уже имущественное отношение. Например, единство пролетариата как класса цементируется одинаковым его отношением к средствам производства, т. е. единством объединяющих его производственных отношений. Но так как эти отношения в условиях капитализма характеризуются отсутствием у пролетариата средств производства, то волевое опосредствование таких отношений не выражает каких-либо имущественных отношений. Именно поэтому трактовка имущественных отношений, как взятых в пределах волевого опосредствования отношений общественного производства, хотя и ориентирует на их сущность, обозначая место, которое они занимают в системе общественных явлений, не устраняет необходимости установления более конкретных свойственных этим отношениям признаков, позволяющих выявить их специфику и четко отграничить от смежных социальных явлений.

Основная особенность имущественных отношений, отличающая их от всех других общественных отношений, состоит в том, что они обладают определенной экономической ценностью. Но для того чтобы иметь экономическую ценность, они должны быть связаны со средствами производства, хотя бы последние были даны самой природой, например земля, либо с продуктами человеческого труда, хотя бы последние и не создавались в процессе материального производства, например продукты духовного творчества (произведения науки, литературы, искусства). При этом само собой разумеется, что подавляющая масса имущественных отношений устанавливается по поводу таких материальных благ, которые создаются в процессе производственной деятельности людей, выступая в качестве либо средств производства, либо предметов потребления. Сообразно с этим имущественные отношения можно определить как *такие общественные отношения, которые, будучи волевым опосредствованием производственных отношений, обладают определенной экономической ценностью ввиду их связи со средствами производства, предметами потребления или иными продуктами труда человека.*

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, 1952, стр. 322.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 30, стр. 504–505.

Имущественные отношения выражаются в разнообразных формах, а это приводит к тому, что они регулируются и охраняются не только гражданским правом, но также и некоторыми другими отраслями советского права. Нормы гражданского права регулируют имущественные отношения лишь в *определенной* форме их выражения. Она, эта форма, и должна быть выявлена для того, чтобы можно было с предельной точностью установить предмет советского гражданского права.

Возьмем в качестве примера имущественные отношения, которые возникают в связи со снабжением народного хозяйства такими важнейшими предметами, как оборудование, сырье и топливо. С одной стороны, они представляют собою отношения по распределению продукции между социалистическими хозяйственными организациями. Но, с другой стороны, самое это распределение осуществляется в особой внешней форме – в стоимостной оболочке, ибо цена продукции исчисляется в деньгах и ее передача соответствующим организациям производится за деньги. Каждой из двух названных форм рассматриваемых отношений соответствует особый вид юридического нормирования: распределение продукции производится на основе плана, т. е. в административном порядке, а ее движение в стоимостной форме опосредствуется договором и, следовательно, осуществляется в гражданско-правовом порядке.

По тому же стоимостному признаку может быть проведено отграничение гражданского права от других отраслей советского права в области охраны социалистических имущественных отношений. Так, если кто-либо совершит покушение на кражу, он будет привлечен к уголовной, а не к гражданской ответственности, ибо покушение, посягая на существующий порядок общественных отношений, не причиняет никакого имущественного ущерба собственнику, не затрагивает принадлежащего ему имущества как определенной стоимости. Если же преступное деяние причиняет ущерб имуществу, преступник привлекается одновременно и к уголовной и к гражданской ответственности. Но при этом меры уголовного наказания обращаются против личности преступника, а натуральное или денежное возмещение причиненного ущерба обеспечивается на основе норм гражданского права. Следовательно, не только регулирование, но и охрана имущественных отношений осуществляется гражданско-правовыми нормами лишь постольку, поскольку эти отношения выступают в стоимостной форме.

Стоимостная форма чаще всего обуславливает возмездно-эквивалентный характер соответствующих отношений. Но это отнюдь не обязательно для всех без исключения случаев. При переходе имущества от одного лица к другому по договору дарения нет эквивалентности (возмездности), но тем не менее самое имущество передается здесь как определенная ценность, стоимость, а потому и отношения, возникающие между дарителем и одаряемым, регулируются нормами гражданского права. Более того, имущество вообще может не переходить из рук в руки, а находиться во владении его собственника. Но так как обладание имуществом есть в то же время обладание его стоимостью, то этот факт также получает отражение и закрепление в нормах гражданского права.

Выходит, что советское гражданское право регулирует и охраняет социалистические имущественные отношения лишь в той мере, в какой они выступают в качестве *стоимостных* отношений.

Помимо имущественных в предмет гражданско-правового регулирования входят также *личные неимущественные отношения*.

Отношения этого рода сами по себе не имеют какой-либо экономической ценности, ибо в наших социалистических условиях честь, достоинство, имя, авторство, приводящие к возникновению личных отношений, непередаваемы на деньги. Они неотчуждаемы и неделимы от личности советского гражданина или коллектива советских граждан, выражая только ему присущие и только его характеризующие индивидуальные качества. Но, не обла-

дая экономической ценностью, личные неимущественные отношения приобретают для их участников другое, не менее важное, а быть может, и более существенное значение, заключающееся в том, что в этих отношениях проявляется индивидуальность личности или коллектива, оцениваемая социалистическим обществом по ее действительным достоинствам и недостаткам. Когда, например, автор требует устранения искажений его произведения, он не преследует при этом никаких имущественных целей, а добивается того, чтобы обществу была обеспечена возможность оценить его способности на основе труда, действительно им созданного. Точно такой же смысл имеет юридическая охрана имени, чести, достоинства, а также и всех иных чисто личных благ. Учитывая отмеченные моменты, личные неимущественные отношения можно определить как такие *общественные отношения, в которых выражается индивидуальность личности или коллектива и воплощается ее морально-политическая оценка со стороны социалистического общества.*

Личные неимущественные отношения всегда имеют для их участников самостоятельное значение. Например, автор произведения заинтересован в признании за ним авторства независимо от выплаты гонорара за использование его произведения. Но в реальной жизни личные отношения одних видов связаны с имущественными и находятся с ними в едином комплексе общественных отношений (например, творческий акт по созданию произведения порождает как личные, так и имущественные правомочия автора), а другие виды личных неимущественных отношений (по поводу, например, чести и достоинства) сами образуют законченный комплекс и в единстве с имущественными отношениями не состоят. Отношения первого вида *регулируются* гражданским правом. Им определяются, в частности, объем правомочий автора, порядок их осуществления и т. п. Отношения второго вида регулируются гражданским правом только в том смысле, что *охраняются* им от возможных нарушений, да и то не всегда, а лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Происходит это потому, что такие отношения либо регулируются другими отраслями права (например, порядок присвоения и изменения имени определяется нормами административного права) либо (как, например, связанные с честью и достоинством) по самой своей природе допускают лишь юридическую охрану и исключают возможность правового регулирования.

Но предмет всякой отрасли права определяется кругом регулируемых, а не охраняемых ею отношений. Охраняться нормами данной отрасли могут и такие отношения, которые выходят за пределы ее предмета. Так, некоторые гражданские правомочия охраняются нормами административного права, а такая отрасль, как советское уголовное право, охраняет самые разнообразные социалистические общественные отношения, хотя регулирует не их, а отношения, возникающие в связи с совершением преступления и применением наказания к преступнику. При определении же *предмета* гражданского права нужно исходить не из всех им охраняемых, а только из тех общественных отношений, которые регулируются гражданско-правовыми нормами. Из числа личных неимущественных отношений этим предметом охватываются лишь те, которые связаны с имущественными отношениями. Другие личные неимущественные отношения, если они вообще регулируются правовыми нормами, входят в предмет не гражданского, а иных отраслей советского права.

Таким образом, граница между гражданским правом и другими отраслями советского права проходит: для имущественных отношений – по линии их стоимостной формы, для личных неимущественных отношений – по линии их связи со стоимостными имущественными отношениями. Таков предмет гражданско-правового регулирования. Рассмотрим теперь вопрос о его методе.

Советское гражданское право включает в себя определенные правила поведения, выполнение которых обеспечивается наряду с различными другими средствами также и мерами государственного принуждения. Но в этом еще нельзя усмотреть чего-либо специфического только для одного гражданского права, ибо подобный метод характерен для права

вообще. Чтобы выявить специфику метода гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений, нужно установить, чем он отличается от методов, применяемых в других отраслях советского права. Право может действовать методом предписания, запрета, дозволения и т. п. Какой же метод характерен для гражданско-правовых норм?

Нормы права реализуются в жизни посредством правоотношений, участники которых выступают в качестве носителей прав и обязанностей. Правоотношения возникают на почве применения любых юридических норм, относящихся к различным отраслям советского права. Но так как каждая отрасль права обладает своим особым методом регулирования, это с необходимостью отражается на структуре связанных с нею правоотношений. Так, административное право действует методом властных предписаний, и потому административные правоотношения строятся как отношения власти и подчинения. Такая же структура характерна и для уголовных правоотношений, в которых лицо, подвергающееся наказанию, подчиняется органу, назначающему наказание или приводящему его в исполнение. Элементы подчинения свойственны и многим другим правоотношениям.

По-иному строятся отношения гражданского права. Конечно, и их субъекты подчинены определенному порядку, установленному в гражданских законах. Но элементы власти и подчинения полностью устранены из их взаимных отношений. Как участники гражданского правоотношения они находятся в положении *юридического равенства*. Этим метод советского гражданского права и отличается от методов, которые в процессе регулирования социалистических общественных отношений применяются в других отраслях советского права.

Но почему гражданское право пользуется данным, а не каким-либо иным методом? Чем это объясняется: произвольным усмотрением государства или явлениями объективного порядка?

При разработке того или иного метода государство учитывает характер общественных отношений, охватываемых данной отраслью права, специфику предмета ее регулирования. Основную массу отношений, включаемых в сферу действия гражданского права, составляют социалистические имущественные отношения в их стоимостной форме. Но стоимостные отношения иначе как на началах равенства строиться не могут. Поэтому регулирование указанных отношений по принципу юридического равенства их субъектов и воспринято советским гражданским правом в качестве его специфического метода.

Следовательно, для выявления сущности каждой данной отрасли права решающее значение имеет ее предмет, поскольку от него зависит и им определяется также и метод правового регулирования. Но если границы предмета известны, а его определяющая роль установлена, то наряду с предметом в общем определении понятия отрасли права должно быть отведено место и для показа свойственного ей особого, специфического метода правового регулирования.

Предмет советского гражданского права образуют социалистические имущественные отношения стоимостного характера, а также связанные с ними личные неимущественные отношения. Эти отношения регулируются гражданско-правовыми нормами на началах юридического равенства их субъектов. С учетом критериев предмета и метода регулирования должно быть сформулировано общее определение понятия гражданского права.

Советское гражданское право как отрасль единого советского социалистического права есть система норм, регулирующих на началах равенства социалистические имущественные отношения в их стоимостной форме и связанные с ними личные неимущественные отношения социалистического общества.

В теории гражданского права продолжают оставаться спорными вопросы как о предмете, так и о методе гражданско-правового регулирования.

Все признают, что его предмет образуют социалистические имущественные и личные неимущественные отношения. Но природа, а также круг тех и других, включаемых в сферу действия советского гражданского права, характеризуются отдельными авторами по-разному.

С точки зрения С. Н. Братуся⁹ и тех, кто к нему присоединяется¹⁰, нельзя считать имущественными производственные отношения, ибо они составляют объективную предпосылку и результат общественно-производственной деятельности, которые не могут быть объектом правового воздействия; имущественные – это не производственные, а возникающие на их основе конкретные волевые отношения. В действительности, однако, производственные отношения – не только предпосылка или результат, но и форма общественно-производственной деятельности¹¹. Они существуют в виде как совокупности, так и единичных отношений и включают в себя наряду с материальным содержанием волевое опосредствование, вполне приспособленное к правовому регулированию. Вот почему имущественное отношение – не нечто отличное от производственного, а самое производственное отношение, взятое в определенных границах.

С точки зрения Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковского, личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, не только охраняются, но и, как прямо сказано в ст. 1 ГК, регулируются гражданским правом, а следовательно, включаются в его предмет¹². На самом же деле термин «регулируются» в ст. 1 ГК употреблен в широком смысле, подразумевающим также и правовую охрану. А если обратиться к конкретным нормам ГК, которые посвящены этим отношениям, например к ст. 7, говорящей об охране чести и достоинства, то не остается сомнений в их направленности не на регулирование, а именно на охрану таких отношений. Иначе и быть не может, поскольку правовое регулирование чести и достоинства объективно исключено. В. Г. Вердников отмечает, правда, что регулируются правом не честь и достоинство, а связанные с ними отношения¹³. Но это «регулирование» до нарушения никаких правомочий с позитивным содержанием у носителя чести и достоинства не порождает. В осуществление своего права он не совершает каких-либо активных действий, а может лишь требовать, чтобы честь и достоинство не нарушались, и добиваться их восстановления после того, как они были ущемлены. Ясно, что перед нами не регулирование, а только охрана, сама по себе недостаточная для включения соответствующих отношений в состав предмета советского гражданского права.

Не менее дискуссионна проблема отграничения имущественных отношений гражданского права от регулируемых другими отраслями советского права, особенно правом административным.

В свое время С. Ф. Кечекьян проводил их разграничение по сфере производства, которую он включал в административное право, и сфере обращения, относящейся к гражданскому праву¹⁴. Но это противоречит действительности, так как административные акты могут определять порядок сбыта и снабжения (сфера обращения), а гражданско-правовые

⁹ Развернутое изложение концепции С. Н. Братуся см. «Предмет и система советского гражданского права», Госюриздат, 1963.

¹⁰ Например, С. С. Алексеев, Предмет советского социалистического гражданского права, Ученые труды Свердловского юридического института, т. 1, 1959.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

¹² Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковский, Теоретические вопросы кодификации советского гражданского законодательства, «Советское государство и право» 1963 г. № 1, стр. 87–89.

¹³ В. Г. Вердников, Вопросы гражданского права в свете решений XXII съезда КПСС, изд-во «Высшая школа», стр. 11.

¹⁴ С. Ф. Кечекьян, О системе советского социалистического права, «Советское государство и право» 1946 г. № 2, стр. 41–45.

нормы – порядок пользования имуществом, в том числе его производительного потребления (сфера производства). Не более удачно и выделение гражданского права по критерию гражданского оборота¹⁵. Если имеется в виду гражданский оборот в юридическом смысле, под которым понимают совокупность предусмотренных законом фактов, порождающих гражданские правоотношения, то такое определение неспособно сказать ничего больше, кроме того, что гражданское право регулирует отношения, предусмотренные гражданским законом, а это равносильно тому, как если бы мы сказали, что гражданское право есть гражданское право. Если же речь идет о гражданском обороте в экономическом смысле, то как обнимающий всю совокупность имущественных отношений, складывающихся в сфере производства и обмена, такой оборот опосредствуется не только гражданским правом.

Предпринимались и другие попытки установления круга имущественных отношений, регулируемых гражданским правом. С. С. Алексеев специфический признак имущественных отношений гражданского права усматривает в имущественно-распорядительной¹⁶, а С. Н. Братусь – просто в имущественной самостоятельности их субъектов¹⁷, что равносильно употребляемому А. В. Дозорцевым понятию имущественной обособленности¹⁸. Но ни один из перечисленных признаков не может считаться специфическим лишь для гражданского права, ибо, какими бы нормами имущественные отношения ни регулировались, они мыслимы только как отношения между самостоятельными или обособленными субъектами, так или иначе распоряжающимися своим имуществом. В то же время С. Н. Братусь утверждает, что административное право вообще регулирует не имущественные, а организационные отношения и этим отличается от права гражданского¹⁹. Однако это положение ошибочно, ибо, как признает тут же сам С. Н. Братусь, органы государственного управления могут распоряжаться в пределах своих полномочий государственным имуществом, что неосуществимо вне их участия в имущественных отношениях. Небезынтересен и тот факт, что М. М. Агарков, впервые выдвинувший данную концепцию, разграничивал гражданское и административное право не по предмету, а по методу регулирования, видя специфику организационных отношений в том, что они строятся как «отношения власти и подчинения»²⁰.

К правильному разрешению рассматриваемой проблемы более других приблизился Д. М. Генкин, указывающий, что «предметом советского гражданского права являются имущественные отношения в сфере товарно-денежного обращения, строящиеся на началах эквивалентности, и отношения собственности в их связи с товарно-денежными отношениями»²¹. Но так как имущественные отношения гражданского права могут быть и безвозмездными, следовало говорить не об эквивалентности, а о стоимостной форме как их видовом признаке в отличие от экономической ценности, присущей любым, а не только гражданско-правовым имущественным отношениям. При этом едва ли обоснованы утверждения тех, кто, выступая против характеристики имущественных отношений, как обладающих экономической ценностью, отмечает, что ценностью может обладать вещь, а не общественное

¹⁵ См., например, *Р. О. Халфина*, О предмете советского гражданского права, «Советское государство и право» 1954 г. № 8, стр. 82–86.

¹⁶ *С. С. Алексеев*, Предмет советского социалистического гражданского права, стр. 121.

¹⁷ *С. Н. Братусь*, Предмет и система советского гражданского права, Госюриздат, 1963, стр. 126–127.

¹⁸ *А. В. Дозорцев*, О системе советского гражданского права и системе Гражданского кодекса СССР, «Советское государство и право» 1954 г. № 7, стр. 106.

¹⁹ *С. Н. Братусь*, Предмет и система советского гражданского права, стр. 43–45.

²⁰ *М. М. Агарков*, Предмет и система советского гражданского права, «Советское государство и право» 1940 г. № 8–9, стр. 61.

²¹ *Д. М. Генкин*, Предмет советского гражданского права, «Советское государство и право» 1955 г. № 1, стр. 106.

отношение²². В политико-экономическом плане правилен, по-видимому, прямо противоположный ход рассуждений. Известно, например, что товар представляет собой экономическую ценность только как вещественный носитель общественных отношений. Нелишне напомнить и о том, что ни одна вообще экономическая категория, в том числе категория экономической ценности, не может быть истолкована вне общественных отношений, в которых она проявляется. И если вполне естественно говорить о таких возможных признаках имущественных отношений как их возмездный, эквивалентный или стоимостный характер, то нет решительно никаких препятствий и к указанию на экономическую ценность, которой они обладают всегда в отличие, например, от личных неимущественных отношений, лишенных ценностного выражения.

Не прекращается полемика также и по поводу метода гражданско-правового регулирования. Одни считают, что равенство участников – признак не метода, а предмета гражданского права – самих имущественных отношений, развивающихся на основе закона стоимости и закона распределения по труду²³. Но если бы это было верно, отношения, регулируемые другими отраслями права, нужно было признать строящимися на началах неравенства, что противоречит их социалистической природе. По мнению других (А. В. Дозорцева²⁴ и И. Г. Мревлишвили²⁵), элементы подчинения свойственны и гражданским правоотношениям: Госбанк, например, вступая с социалистическими организациями в гражданские правоотношения по кредитованию и денежным расчетам осуществляет также функцию финансового контроля. Но в таких случаях складывается не единое, а комплексное правоотношение, сочетающее гражданско-правовые (кредитование, расчеты) и административно-правовые элементы (финансовый контроль). Наконец, по мнению третьих (Г. И. Петров), и административные правоотношения могут строиться на началах равенства: пассажиры, имеющие, например, право на занятие определенных мест в автобусе, могут требовать от других пассажиров освобождения мест в силу соответствующих административных предписаний, хотя и не состоят друг с другом в отношениях власти и подчинения²⁶. Но все дело в том именно и заключается, что пассажиры состоят в правоотношениях не друг с другом, а с владельцем автобуса (автотрестом), причем и эти отношения включают в себя не только гражданско-правовые, но и административно-правовые элементы (подчинение установленному в автобусе порядку). Освобождая неправомерно занятое место, пассажир выполняет не требование другого пассажира, а предписание автотреста, с которым он находится в правоотношении.

Изложенные взгляды относительно предмета и метода гражданско-правового регулирования ориентируются на систему советского права в том виде, в каком она сложилась и существует. Выдвигаются, однако, и другие концепции, соединенные с предложениями о перестройке самой системы советского права. Согласно одной из них необходимо все без исключения имущественные отношения (в том числе налоговые, по денежным штрафам и т. п.) изъять из других отраслей и целиком сосредоточить в гражданском праве²⁷. Согласно другой – следовало бы в гражданском праве оставить имущественные отношения с участием граждан, а для регулирования хозяйственной деятельности социалистических организаций

²² С. Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, стр. 34.

²³ См. редакционную статью «О предмете советского гражданского права (к итогам дискуссии)» в журнале «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 58.

²⁴ А. В. Дозорцев, О предмете советского гражданского права, стр. 105.

²⁵ И. Г. Мревлишвили, Предмет и система советского социалистического гражданского права, «Советское государство и право» 1954 г. № 7, стр. 109–111.

²⁶ Г. И. Петров, Сущность советского административного права, изд-во ЛГУ, 1959, стр. 83.

²⁷ И. Г. Мревлишвили, Предмет и система советского социалистического гражданского права, стр. 109–111.

и связанных с нею имущественных отношений создать новую отрасль права – хозяйственное право²⁸.

В этих предложениях допускается очевидное смешение системы права с тем, как могут строиться законодательные справочники или учебные правовые дисциплины. Нет препятствий к изданию в соответствии с конкретными практическими потребностями построенных по указанным критериям сборников законодательных актов (например, законодательства по вопросам народного хозяйства). Могут преподаваться и комплексные юридические дисциплины, объединяющие материалы различных отраслей советского права, как преподается, например, в качестве специальной дисциплины хозяйственное право. Но отрасль права нельзя «построить» или «перестроить» без изменения всей структуры реальных общественных отношений и регулирующего их законодательства. Она существует объективно в сложившейся системе советского права и отличается от других отраслей по предмету и методу регулирования. Между тем реализация изложенных предложений означала бы объединение в одной отрасли права вопреки самой ее природе разнородных предметов (имущественно-стоимостных и управленческих отношений), а также различных методов регулирования (метода равенства и метода власти и подчинения).

Как объективно существующая отрасль советского права, гражданское право обладает единством предмета и метода, которое именно в том и выражается, что советское гражданское право регулирует на началах равенства имущественно-стоимостные и связанные с ними личные неимущественные отношения социалистического общества.

Гражданское право как наука и как учебная дисциплина. Мы определили понятие гражданского права как отрасли советского права. Что же представляет собою гражданское право как отрасль советской юридической науки?

Советское гражданское право как наука изучает гражданское право как отрасль советского права. Но при определении ее границ не следует упускать из виду, что в ходе исторического развития советского правоведения из состава науки гражданского права выделились в самостоятельные отрасли юридических знаний земельное, трудовое и колхозное право. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, отношения, связанные с использованием земли, приложением труда в социалистической системе хозяйства и деятельностью колхозов, регулируются настолько значительным числом юридических норм, а каждый из видов этих отношений настолько специфичен, что без должной научной специализации их изучение было бы не только затруднительным, но и просто невозможным.

Во-вторых, для регулирования земельных, трудовых и колхозных отношений характерно настолько тесное переплетение гражданско-правового и административно-правового методов, что они нуждаются в совместном исследовании, а это было бы неосуществимо, если бы земельное, трудовое и колхозное право не отпочковались от науки гражданского права.

В-третьих, удельный вес и хозяйственно-политическая значимость земельных, трудовых и колхозных отношений настолько велики, что и с этой точки зрения вполне оправдано выделение регулирующих их правовых норм в предмет самостоятельного изучения соответствующих отраслей юридической науки.

Ввиду обособления перечисленных научных отраслей, гражданско-правовая наука либо вовсе не затрагивает связанных с ними теоретических и практических проблем, либо рассматривает их в наиболее общем виде, поскольку это необходимо для должного усвоения и правильного понимания теории советского гражданского права. Например, право исключительной собственности государства на землю или право колхозной собственности находят

²⁸ «Научная сессия по проблемам советского хозяйственного права (тезисы докладов)», изд-во АН СССР, 1959.

свое отражение и в гражданско-правовой науке. Однако детальное исследование правового режима земли в СССР составляет задачу науки земельного права, точно так же, как правовой режим колхозной собственности в полном его объеме изучается наукой колхозного права.

Первоочередная задача гражданско-правовой науки состоит в том, чтобы всесторонне и детально, исчерпывающе и тщательно изучить содержание норм, выраженных в советских гражданских законах и иных нормативных актах. Не разрешив этой задачи, наука советского гражданского права не выполнила бы своей основной обязанности – вооружить практику знанием действующего законодательства и умением правильно применять его к отдельным жизненным случаям.

Но изучать правовые нормы можно по-разному. Можно ограничиться анализом одних только заключенных в них правил и считать, что этим исчерпывается круг проблем, исследуемых юридической наукой. Такое изучение правового материала ничего общего с подлинной наукой не имеет.

Нормы гражданского права устанавливаются Советским государством не ради самих этих норм, а для должного урегулирования социалистических общественных – имущественных и личных – отношений, обеспечения в области указанных отношений наиболее благоприятных юридических условий для успешного разрешения выдвигаемых партией и правительством политических и хозяйственных задач коммунистического строительства. Подлинно научное освещение гражданско-правовых норм начинается лишь с того момента, когда они получают объяснение и обоснование в реальных отношениях социалистического общества, а их практическое действие выявляется в анализе служебной роли норм советского гражданского права в деле дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства, укрепления и развертывания советской торговли, подъема жизненного уровня трудящихся, роста социалистической культуры.

Любая наука, если она действительно является наукой, должна опираться на определенные объективные закономерности и изучать их. Это относится и к науке советского гражданского права, которая призвана не только к описанию и систематизации действующих гражданско-правовых норм, но и к выявлению их объективной обусловленности, к установлению тех объективных закономерностей, которые лежат в их основе. Поэтому, говоря о гражданско-правовой науке, необходимо иметь в виду, что предмет ее изучения составляют гражданско-правовые нормы как законы в юридическом значении этого слова, создаваемые по воле людей, по воле социалистического государства. В основе же изучения этих законов лежат объективные закономерности, не зависящие от воли людей и предопределяющие в конечном счете и ту волю социалистического государства, которая находит свое выражение и закрепление в нормах советского гражданского права.

Таковы задачи *науки* советского гражданского права. Связанные с ними, но в то же время вполне самостоятельные задачи стоят перед гражданским правом как *учебной дисциплины*.

Учебная дисциплина в отличие от науки служит целям не исследования, а обучения²⁹. Однако успешное обучение возможно только при том условии, что оно опирается на достижения науки. В гражданском праве как учебной дисциплине излагаются выводы гражданско-правовой науки относительно содержания советских гражданских законов и определяющих его объективных закономерностей. Тем самым студент знакомится не только с правилами гражданского законодательства, но и с их теоретическим обоснованием, овладевая *научным фундаментом* своей будущей специальности.

²⁹ Подробнее о различиях между наукой и учебной дисциплиной гражданского права, а также об их соотношении с гражданским правом как отраслью советского права см. *О. А. Красавчиков*, Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав, система), Свердловск, 1961.

Вместе с тем ценность любой науки состоит в ее практическом назначении, в обслуживании потребностей практики, в содействии удовлетворению интересов, связанных с повседневной деятельностью миллионов людей. Соответствующим практическим предназначением обладает и гражданско-правовая наука, исследующая пути дальнейшего развития советского законодательства в сфере социалистических имущественных и личных неимущественных отношений, а также выявляющая общие принципы и конкретные условия правильного применения гражданских законов к каждому отдельно встречающемуся жизненному случаю. Ознакомление с этими ее выводами позволяет студенту овладеть необходимыми для избранной специальности *навыками практической работы*.

Преподавание советского гражданского права ставит своей целью – обучить теории и практике гражданского законодательства и его применения, вооружить такими теоретическими и практическими знаниями в этой области, которые необходимы для успешной и плодотворной работы высококвалифицированного юриста – судьи и прокурора, арбитра и юрисконсульта, нотариуса и адвоката, работника государственного хозяйственного аппарата.

§ 2. Задачи и принципы советского гражданского права

Задачи советского гражданского права. Среди отношений, регулируемых советским гражданским правом, решающее место занимают социалистические имущественные отношения. В их основе лежит социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Хозяйственная жизнь в СССР определяется и направляется народнохозяйственными планами (ч. II ст. 1 ГК). Но так как на современном этапе развития советского общества имущественные отношения облекаются в товарно-денежную форму, в поступательном движении социалистической экономики невозможно обойтись без всемерного использования таких экономических рычагов, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы. Важную роль играет также последовательное соблюдение принципа материальной заинтересованности граждан, предприятий, колхозов и других хозяйственных организаций.

Наряду с имущественными, гражданское право регулирует и личные неимущественные отношения советского общества. Эти отношения также опираются на социалистическую экономику, но по своей собственной природе они входят в состав не экономических, а идеологических отношений и воплощают в себе либо результаты одной только духовной, творческой деятельности либо морально-политическую, идейную оценку всех дел и поступков индивидов или коллективов, в какой бы сфере общественной деятельности они ни выступали. Всемерное развитие личных неимущественных отношений при правильном сочетании интересов личности с интересами всего общества – одно из существенных условий духовного облика советских людей и, следовательно, одна из важнейших предпосылок утверждения коммунистического общественного строя.

Таким образом, строительство коммунизма, пути и средства осуществления которого определены в Программе партии, предполагает надлежащее развитие и постепенное преобразование социалистических имущественных и личных неимущественных отношений. А так как эти отношения в своей совокупности образуют предмет гражданского права, то оно и призвано путем их эффективного и наиболее целесообразного регулирования содействовать разрешению задач коммунистического строительства. Отсюда и его конкретные задачи, сформулированные в преамбуле к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик³⁰, а в соответствии с ними – в преамбулах к гражданским кодексам союзных республик.

³⁰ В дальнейшем – Основы.

Таковыми задачами являются: а) *в сфере имущественных отношений* – способствовать упрочению социалистической системы хозяйства, социалистической собственности и развитию ее форм в единую коммунистическую собственность; укреплению плано-договорной дисциплины и хозяйственного расчета; своевременному и надлежащему выполнению поставок при неуклонном повышении качества продукции и планов капитального строительства при всемерном повышении эффективности капиталовложений; осуществлению государственных закупок сельскохозяйственных продуктов, развитию советской торговли и охране защищаемых государством материальных интересов граждан; б) *в сфере личных неимущественных отношений* – способствовать удовлетворению соответствующих с общественными интересами культурных интересов граждан, а также содействовать развитию творческой инициативы в области науки и техники, литературы и искусства.

Задачи, стоящие перед гражданско-правовым регулированием каждого из двух названных видов социалистических общественных отношений, тесно связаны. В частности, удовлетворение культурных потребностей граждан опирается на постоянное повышение их материального благосостояния и зачастую реализуется установлением имущественных отношений, как и в свою очередь развитие творческой инициативы, например области техники, содействует техническому прогрессу, а тем самым – общему подъему социалистической экономики. Во взаимосвязи и единстве поставленных перед гражданским законодательством задач проявляется единство стоящей перед ним цели – содействовать строительству коммунистического общества в нашей стране.

Принципы советского гражданского права. Цели и задачи – это то, чему советское гражданское законодательство служит, для достижения и разрешения чего оно используется. Принципы – то, на что опирается советское гражданское право, что составляет его основные начала.

В основе советского гражданского права лежат принципы социализма. Но эти принципы свойственны социалистическому обществу в целом, между тем как правовыми могут быть признаны лишь такие принципы, которые получили определенное преломление в юридических нормах и именно в этом, т. е. в правовом, качестве закреплены действующим законодательством. Помимо отмеченной особенности правового принципа, он отличается и двумя другими свойствами.

Первое его свойство заключается во всеобщности. Соответствующее положение считается принципом той или иной отрасли права только тогда, когда им пронизываются не какие-либо отдельные, а все ее нормы и институты. Второе свойство проявляется в том, что принцип, характерный для данной отрасли права, представляет собой специфическое выражение присущего всему советскому праву более общего принципа. Выявить принципы советского гражданского права – это и значит определить общие для него основные начала как особое проявление основополагающих черт советского права в целом, являющихся в свою очередь юридическим отражением и преломлением принципов социализма³¹.

Основная особенность социалистического общества состоит в том, что оно не знает частной собственности и эксплуатации человека человеком, а базируется на социалистической собственности и товарищеском сотрудничестве свободных от эксплуатации работников. Благодаря этому каждый член социалистического общества приобретает реальную возможность трудиться по способностям и получать от общества равную оплату за равный труд. В этом и заключается экономическое равенство людей при социализме. Ему соответствует их юридическое равноправие, которое в социалистическом обществе потому и является под-

³¹ Подробнее о сущности правового принципа вообще и гражданско-правового принципа в частности см. С. Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, стр. 134–143.

линным равноправием, что в его основе лежит равенство экономическое. Подлинное равноправие составляет один из ведущих принципов советского гражданского права.

Этот принцип действует, конечно, не только в гражданском праве, а и во всех других отраслях советского права. Но для гражданского права он имеет особенно важное значение, ибо сами гражданские правоотношения строятся как отношения юридического равенства. Строиться же на таких началах гражданские правоотношения могут потому, что они опираются на подлинное равноправие субъектов советского гражданского права. В результате ликвидации частной собственности и эксплуатации, в результате утверждения безраздельного господства социалистической собственности и отношений товарищеского сотрудничества между людьми в условиях социализма исчезают антагонистические противоречия между индивидом и коллективом, между обществом и его членами. Личные и общественные интересы находятся здесь в гармоническом сочетании и единстве. Поэтому субъекты советского гражданского права не только наделяются правами, но на них возлагаются определенные обязанности, выполняемые как в их собственных интересах, так и в интересах всего общества. Сочетание прав и обязанностей – таков второй принцип советского гражданского права.

Действие этого принципа также не ограничивается одним лишь гражданским правом. Провозглашенный Конституцией СССР, он стал всеобщим принципом советского законодательства. Но для гражданского права указанный принцип имеет особенно важное значение. Отдельные люди, не преодолевшие капиталистических пережитков, иногда еще пытаются свои личные, притом неправильно понятые, интересы противопоставлять интересам общественным. Особенно остро это проявляется в области имущественных отношений, где чаще, чем в других областях, может выразиться стремление «урвать кусок побольше и удрать»³². Проводя сочетание прав и обязанностей в этой именно сфере отношений, гражданское право способствует укреплению сочетания общественных и личных интересов и вместе с тем преодолению капиталистических пережитков в области, где они наиболее живучи.

Основной экономической закон социализма – закон непрерывного роста и совершенствования производства на базе высшей техники в целях максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества. Из содержания этого закона вытекает, что он подчиняет развитие материального производства одной задаче – задаче всестороннего удовлетворения потребностей и интересов общества в целом и каждого его члена в отдельности. Следовательно, удовлетворение общественных и личных интересов носит при социализме реальный характер, поскольку это обеспечивается основным экономическим законом его развития. Поэтому такой же реальный и гарантированный характер носят гражданские права, предоставляемые участникам социалистического гражданского оборота. Отсюда третий принцип советского гражданского права – *принцип реальности и гарантированности гражданских прав*.

Так же, как и указанные ранее, данный принцип является общим для всего советского законодательства. Но для гражданского права он имеет особенно важное значение. Действительно, гражданские права и обязанности в их подавляющей массе связаны с имущественными отношениями. Они обладают, следовательно, определенным материальным, экономическим содержанием. Поэтому такие права должны быть снабжены особыми юридическими гарантиями, обеспечивающими не вообще принудительное, а такое именно их осуществление, которое способно удовлетворить материальные потребности и интересы управомоченного. И подобные особые гарантии действительно предусматриваются действующим гражданским законодательством, закрепляющим, например, возможность требовать реального

³² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 199.

исполнения обязательств, несмотря на денежную компенсацию вызванных их нарушением убытков, возмещения причиненного вреда в натуре и т. п.

Основному экономическому закону социализма подчинен другой экономический закон, действующий в социалистическом обществе, – закон планомерно-пропорционального развития народного хозяйства. В соответствии с этим объективным экономическим законом осуществляется государственное планирование промышленности, транспорта и всех других отраслей народного хозяйства в СССР. А так как планируется развитие социалистической экономики в целом, влияние плана сказывается на экономических отношениях, участниками которых становятся не только хозяйственные, но и другие социалистические организации или граждане. Правовое регулирование этих отношений подчиняется задачам, определенным в государственных плановых актах. Но поскольку эти отношения регулируются и нормами гражданского права, одним из его основных принципов становится *принцип плановости*.

Принцип плановости уже потому не может быть ограничен одним лишь гражданским правом, что хозяйственная деятельность в СССР регулируется и другими отраслями советского права. Но для гражданского права этот принцип имеет особенно важное значение. Нормы гражданского права регулируют отношения, складывающиеся и в сфере производства, и в сфере обращения. Поскольку же планомерно-пропорциональное развитие народного хозяйства предполагает координацию между отдельными отраслями производства, а также между ними и обращением и поскольку эта координация обеспечивается актами государственного планирования, гражданское право обязано прочно опираться на принцип плановости и строго учитывать его в процессе регулирования отношений, возникающих как в сфере производства, так и в сфере обращения.

При социализме сохраняется также действие закона стоимости, хотя под влиянием основного экономического закона и закона планомерного развития народного хозяйства его действие проявляется здесь в существенно новых формах. Так как этот закон существует и действует, он не может не учитываться в процессе правового регулирования экономических отношений. Поэтому плановые начала, отражающие централизованное руководство социалистической экономикой, дополняются другим важным принципом советского гражданского права – *принципом личной инициативы* (индивидуальной или коллективной), без которой немислимо успешное развертывание экономических процессов.

Личная инициатива поддерживается и поощряется не только гражданским правом, но и нормами других отраслей советского права. Ее специфическое значение для гражданского права состоит в том, что без собственного почина не может получить надлежащего осуществления хозяйственная деятельность социалистических хозяйственных организаций, как не могут быть удовлетворены материальные и культурные потребности личности в таких именно формах, в каких заинтересованы сами граждане. Вследствие этого гражданский закон предусматривает договорное оформление социалистическими организациями своих взаимоотношений, основанных на государственных плановых заданиях, границы осуществления гражданами своих правомочий и в то же время полную свободу использования принадлежащих им прав в установленных законом пределах и т. п. Правильное сочетание принципов плановости и личной инициативы в нормах гражданско-правового законодательства – одно из конкретных проявлений принципа демократического централизма, вообще характерного для советского социалистического права³³.

Важнейшим принципом советского права является *принцип социалистической законности*. В нем находит одно из ярчайших своих проявлений подлинный демократизм совет-

³³ Ср. С. Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, стр. 139–140.

ского права, создаваемого народом в лице социалистического государства и подчиненного интересам народа. Принцип социалистической законности, обеспечивающий точное и неуклонное соблюдение законов всеми государственными органами и их должностными лицами, кооперативно-колхозными и иными общественными организациями, а также всеми советскими гражданами, служит руководящим началом и для применения гражданско-правовых норм. Вместе с тем в этих нормах конкретизируются условия и предпосылки его применения к гражданским правоотношениям. Такая конкретизация достигается запрещением осуществлять гражданские правомочия в противоречии с их назначением в социалистическом обществе, предписанием соблюдать законы и уважать правила социалистического общежития, социалистические моральные принципы или возложением на государственные учреждения имущественной ответственности за вред, причиненный неправомерными действиями их должностных лиц в области административного управления, и т. д.

Значение принципа социалистической законности состоит в том, что только на его основе может быть обеспечено применение законов и иных гражданских нормативных актов в точном соответствии с их содержанием. Только благодаря последовательному осуществлению этого принципа участники социалистического гражданского оборота могут быть уверены в прочности и незыблемости принадлежащих им гражданских прав, в необходимости беспрекословного выполнения возложенных на них гражданских обязанностей. Только при условии соблюдения принципа социалистической законности может проявляться во всей полноте активно-творческая роль советского гражданско-правового законодательства в выполнении выдвигаемых партией и правительством задач в области хозяйственного и культурного строительства.

Основные принципы советского гражданского права выражают его социалистическую сущность. Они присущи поэтому гражданскому праву не только нашей страны, но и всех других социалистических государств. Конкретное законодательное выражение этих принципов может быть неодинаковым в различных социалистических странах, учитывая национальные, исторические и иные особенности развития каждой из них³⁴. Существенное влияние на их воплощение в гражданском законодательстве отдельных социалистических государств оказывает также достигнутый в той или иной стране уровень социалистического преобразования общественных отношений. Но в своих главных и типических проявлениях охарактеризованные принципы являются всеобщими для гражданского права всех без исключения государств социалистического типа.

Прямую противоположность гражданскому праву Советского Союза и других стран социалистического лагеря составляет гражданское право стран капитализма.

В основе гражданского права капиталистических стран лежит частная собственность и порождаемая ею эксплуатация человека человеком. *Принцип неограниченности частной собственности* является ведущим, основным началом буржуазного гражданского права.

В законодательстве периода промышленного капитализма этот принцип получает четкое и неприкрытое выражение. «Собственность, – говорится в ст. 544 французского гражданского кодекса, – есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом...» Законодательство периода империализма подвергает эту формулу ряду изменений. Так, в германском гражданском уложении уже говорится, что, например, собственник земельного участка не может «воспрепятствовать воздействию, проходящее на такой высоте или в такой глубине, что устранение его не представляет для него интереса» (§ 905), он «не может воспрепятствовать допущения к нему с другого участка газов, ларов, запаха, дыма, копоти, теплоты, шума, сотрясений и других подобных воздействий...» (§ 906). Но уже

³⁴ Подробное освещение гражданского законодательства социалистических стран (с учетом впоследствии внесенных в него изменений) см. «Гражданское право стран народной демократии», Внешторгиздат, 1958.

самый характер воздействия на чужое имущество, допускаемого гражданскими законами периода империализма, свидетельствует о том, что речь здесь идет о таких «ограничениях» частной собственности, которые в действительности призваны к обеспечению ничем не ограниченных возможностей для монополистического капитала. Поэтому, хотя, например, американский юрист Г. Берман и утверждает, что, поскольку расширяется государственное вмешательство в отношения частной собственности, ее понятие должно быть подвергнуто определенным коррективам, тем не менее в идее незыблемости частной собственности, как заявляет сам автор, он полностью единодушен «со своими предками»³⁵. Ничего не меняют в существе дела и такие меры, как национализация некоторых отраслей промышленности, проведенная, например, в Англии. В чисто демагогических целях буржуазные юристы иногда объявляют эти меры осуществлением идей социализма³⁶. Но не говоря уже о том, что национализация не затронула доходов собственников национализированных предприятий, а скорее стабилизировала эти доходы, превратив их в строго фиксированные дивиденды, выплачиваемые государством, самая природа частной собственности остается неизменной, с тем лишь, что меняется ее субъект: вместо отдельных капиталистов в этом качестве выступает класс капиталистических собственников, организованный в буржуазное государство.

В непосредственной связи с принципом неограниченности частной собственности находится второе важнейшее начало буржуазного гражданского права – *принцип свободы договоров*.

Свобода договоров, с точки зрения сущности буржуазного законодательства, есть свобода распоряжения частной собственностью, ничем не ограниченная циркуляция имущества в сфере товарного обращения. Но, с другой стороны, для того, чтобы договор хотя бы в какой-то степени обеспечивал устойчивость возникших товарно-денежных отношений, он должен быть обязательным для его контрагентов. Поэтому, например, ст. 1134 французского гражданского кодекса устанавливает, что «соглашения, законным образом заключенные, имеют силу закона в отношении тех, которые в них вступили». В какой, однако, мере заключение договора является в условиях капитализма действительно свободным, об этом с достаточной полнотой можно судить по договорам о продаже рабочей силы, которые вынуждены заключать рабочие, чтобы не умереть с голоду. В период империализма, когда на капиталистическом рынке появляются монополистические объединения, принцип свободы договоров подвергается дальнейшим изменениям, превращаясь фактически в одностороннюю свободу, предоставленную в распоряжение лишь крупным монополиям. Условия договора в большинстве случаев перестают быть предметом соглашения сторон. Они заранее фиксируются монопольным контрагентом на формуляре, который вынуждена подписать другая сторона. Это так называемые продиктованные договоры (*dictierter Verträge*) или договоры присоединения (*contrats d'adhésion*). Кроме того, нередко, особенно в военных условиях, применяется понуждение одной из сторон к заключению Договоров (*Kontrahierungszwang*).

Буржуазное законодательство провозглашает равенство всех перед законом. Но это – *принцип формального равенства*, ибо не может быть действительного равенства между рабочим и капиталистом, если их отношения определяются экономическим законом прибавочной стоимости, если процесс обнищания одного из них составляет необходимое условие обеспечения максимальной прибыли для другого. Отмеченные экономические и классовые факторы настолько сильны и значимы, что они зачастую сказываются даже на начале *формального равенства*, сплошь и рядом нарушаемого в самом буржуазном законе. Так,

³⁵ H. Berman, Talks of american law, New York, 1961, p. 165.

³⁶ Например, The public corporation, editor W, Friedmann, Toronto, 1954, p. 544.

во французском гражданском кодексе вплоть до 1868 года существовала норма, устанавливавшая что в спорах с рабочими о заработной плате заявлению нанимателя придается сила бесспорного доказательства. Судебная практика Англии в делах о производственном травматизме исходит обычно из неответственности работодателя, поскольку, поступив на работу, рабочий якобы тем самым изъявил согласие нести любой риск, с ней связанный. К числу юридических норм, прямо попирающих буржуазный принцип формального равенства, должны быть отнесены нормы, устанавливающие дискриминационный режим для негров в США и в некоторых других капиталистических странах, а также закрепляющие неравенство женщины по сравнению с мужчиной, вплоть до признания за мужем, как это делает закон штата Алабама (США), права на применение телесного наказания к «провинившейся» жене.

В общей системе буржуазного права принято различать публичное и частное право. К последнему, т. е. к частному праву, относится гражданское, а в тех странах, в которых оно существует, также торговое право. Деление буржуазного права на публичное и частное – не теоретическая выдумка, а реальный факт объективной действительности. Однако многочисленные попытки буржуазных юристов выявить причины этого деления оказываются тщетными.

Одни из них опираются на формулу римского юриста Ульпиана, которая гласит: *Publicum jus est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem pertinet* (публичное право охраняет интересы римского государства в целом, а частное – интересы отдельных лиц). Соответственно этому утверждается, что целью публичного права является общество как целое, а целью частного права – отдельный человек (целевая теория Савиньи³⁷) или что публичное право направлено на охрану общественных, а частное право – на охрану индивидуальных интересов (теория интереса Иеринга³⁸). Глубокая ошибочность и явная антинаучность этих концепций очевидна. Разделенное на враждебные классы, капиталистическое общество не может обладать ни общими целями, ни общими интересами, с которыми буржуазные юристы пытаются связать публичное право. С другой стороны, и частное право выражает интересы не вообще отдельных лиц, а господствующего класса, ничем не отличаясь в этом смысле от публичного права.

Ряд буржуазных юристов оперирует другой формулой, также заимствованной из римских источников: *Publicum jus pactis privatorum mutari non potest* (нормы публичного права не могут быть изменены частными соглашениями). Соответственно этому утверждается, что частными являются такие права, которые устанавливаются по воле отдельного лица и защищаются лишь по его требованию (теория метода регулирования и способа защиты³⁹), или что публичное правонарушение ущемляет волю государства, а частное – волю отдельного лица (волевая теория⁴⁰). Основной порок концепций такого рода состоит в том, что они вовсе не касаются причин деления буржуазного права на публичное и частное, а ограничиваются лишь характеристикой таких внешних признаков частного права, как метод регулирования, способ защиты и т. д.

Проблема публичного и частного права оказалась настолько запутанной в буржуазной юриспруденции, что там все чаще начинают раздаваться голоса тех, кто вообще отчаялся в возможности ее разрешения⁴¹, или тех, кто наподобие Дюги⁴² утверждают, будто в совре-

³⁷ F. Savigny, System des heutigen römischen Rechts, B. I, 1840, S. 23.

³⁸ R. Ihering, Geist des römischen Rechts, B. III, 1906, S. 339.

³⁹ И. Покровский, Основные проблемы гражданского права, 1914, стр. 12.

⁴⁰ A. Brinz, Lehrbuch der Pandecten, B. I, 1857, S. 48.

⁴¹ W. Burkhardt, Methode und System des Rechts, 1936, S. 196.

⁴² L. Duguit, Les transformations du droit public, 1913.

менных условиях (т. е. в условиях империализма) исчезает былое различие между публичным и частным правом. В действительности, однако, это различие, хотя и в новых формах, обусловленных монополистической стадией развития капитализма, так же сохраняется, как в период империализма в измененном виде сохраняют свое действие экономические законы, свойственные капиталистическому обществу. Его не могут поэтому не учитывать и современные буржуазные юристы, хотя в обосновании различия между публичным и частным правом они фактически не продвинулись ни на шаг по сравнению со своими предшественниками. Своеобразие новейшей буржуазной литературы в данной области состоит лишь в том, что она старается не прибегать к теории интереса, довольствуясь главным образом теорией метода регулирования.

Так, в книге, изданной в 1960 году, западногерманский юрист Белау специфику частного права усматривает во взаимной неподчиняемости его субъектов⁴³. Нередко же в установлении границы между публичным и частным правом современная буржуазная цивилистика обходится даже без указаний на особенности метода регулирования, сводя всю проблему к субъектному составу соответствующих отношений. «Публичное право, – пишет Вуарен, – регулирует отношения индивидов с государством... Частное право определяет отношения индивидов между собой»⁴⁴. Очевидно, однако, что подобные концепции слишком далеки от существа дела, чтобы они могли иметь сколько-нибудь серьезное познавательное значение.

Подлинная причина деления буржуазного права на публичное и частное заключается в существующих при капитализме и обусловленных частнокапиталистической собственностью противоречиях между индивидом и коллективом, которые проявляются в отношениях с представителями не только угнетенного, но и господствующего класса. Наличие таких противоречий можно было бы проиллюстрировать самым элементарным примером. Так, монополистическая верхушка империалистических государств всеми силами стремится развязать новую мировую войну. Но в то же время тот или иной отдельный капиталист противился бы, например, проведению военных приготовлений на принадлежащей ему земле, так как это причинило бы определенный ущерб его имущественным интересам. Аналогичное противоречивое положение создается и во многих других случаях. Поручая буржуазному государству охрану частной собственности и эксплуатации в целом, капиталисты вместе с тем не доверяют тому же государству, когда дело касается собственного «кошелька» каждого из них в отдельности. Это и имел в виду Маркс, когда говорил, что в условиях капитализма «человек не только в мыслях, в сознании, но и в *действительности, в жизни*, ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в *политической общности*, в которой он признает себя *общественным существом*, жизнь в *гражданском обществе*, в котором он действует как *частное лицо*...»⁴⁵

На этом как раз и основано деление буржуазного права на публичное и частное. И, наоборот, именно потому, что в условия социализма нет антагонистических противоречий между интересами личности и коллектива, именно потому, что эти интересы находятся здесь в гармоническом сочетании и единстве, наше право не знает деления на публичное и частное. «Мы ничего «частного» не признаем, – указывал В. И. Ленин, – для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»⁴⁶.

⁴³ К.-Н. Below, Bürgerliches Recht, Allgemeiner Teil, Wissbaden, 1960, S. 12.

⁴⁴ P. Voirin, Manuel de droit civil, Paris, 1958, p. 1. См. также H. Burin, les Roziers, La distinction du droit civil et du droit commercial, Paris, 1959, p. 9.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 390–391.

⁴⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 398.

Глава 2

Система советского гражданского права

§ 1. Система отрасли гражданского права

Группировка гражданско-правовых норм по институтам. Система права – это понятие, охватывающее совокупность юридических норм, действующих в данном обществе. Но наряду с тем определенная система свойственна и каждой отрасли права в отдельности. Так, советское гражданское право включает в себя огромное число разнообразных норм. Если бы они не были приведены в систему, это поставило бы в затруднительное положение законодателя, который, издавая закон, был бы лишен возможности проверить, не нарушит ли такой закон единства законодательства, не вызовет ли он противоречие, повторяемость, несогласованность между отдельными нормами. Не менее затруднительным оказалось бы положение органов, применяющих законы, так как они были бы в этом случае лишены ориентиров, необходимых для отыскания той нормы, на основе которой подлежит разрешению данное конкретное дело.

Трудности подобного рода более или менее легко преодолеваются благодаря тому, что гражданско-правовые нормы представляют собой не разрозненный конгломерат случайно установленных правил поведения, а систематическое, логически стройное единое целое.

При этом система советского гражданского права строится на началах, которые характерны для построения научно обоснованной системы вообще.

Систематизировать те или иные явления – значит распределить их по группам в соответствии с избранным классификационным признаком. Классификационный признак – момент объективный, ибо он объективно присущ тем явлениям, которые подвергаются классификации. Напротив, выбор данного, а не иного классификационного признака – момент субъективный, зависящий от решения, которое по этому поводу будет принято при проведении классификации. Поэтому действительно научной ценностью обладает не всякая классификация, так как в процессе ее разработки может быть избран и второстепенный, случайный признак, лишенный существенного значения. Задача подлинно научной систематики заключается в том, чтобы сущность систематизированных явлений была отражена в ней самой. С этих позиций необходимо подходить и к вопросам системы советского гражданского права.

Говоря о понятии гражданского права (гл. 1, § 1), мы использовали в качестве основного и решающего критерия его отграничения от других отраслей советского права круг и характер регулируемых им социалистических общественных отношений. Но если даже в таком большом вопросе этот критерий оказался плодотворным и научно обоснованным, то он тем более должен оправдать себя в случае его использования для построения внутренней системы соответствующей отрасли права. Система советского гражданского права и строится прежде всего на основе разбивки его норм по группам в зависимости от особенностей регулируемых им *отдельных видов общественных отношений*.

В результате группировки гражданско-правовых норм по указанному признаку образуются различные гражданско-правовые *институты*, каждый из которых включает в себя определенную совокупность норм, объединяемых тем общим для них моментом, что они регулируют один и тот же вид социалистических общественных отношений. Так, нормы, регулирующие отношения по обладанию имуществом и использованию его, составят институт права собственности: нормы, определяющие положение участников гражданского обо-

рота, составят институт гражданской правосубъектности; нормы, опосредствующие отношения в области обмена, составят институты обязательственного права и т. д.

Разбивка гражданско-правовых норм по отдельным институтам обеспечивает выполнение основной части работы по их систематизации. Но для того, чтобы данная задача была разрешена целиком, необходимо эти институты привести в определенную систему.

Группировка гражданско-правовых институтов. Основными институтами советского гражданского права являются институты, носящие следующие наименования: субъекты гражданского права, объекта гражданских правоотношений, гражданско-правовые сделки, исковая давность, а также право собственности и институты обязательственного права, авторское право, право на открытие, изобретательское, семейное и наследственное право.

Некоторые из их числа имеют общее значение, поскольку они проявляются в отношениях, регулируемых либо всеми, либо подавляющим большинством других гражданско-правовых институтов. Такую роль играют нормы о правосубъектности и объекте, о сделках и об исковой давности. Все институты такого рода, ввиду их общего значения как бы выносятся за скобки и в своей совокупности образуют *Общую часть* советского гражданского права.

От институтов *Общей части* следует отличать *специальные* гражданско-правовые институты. Они размещаются вслед за *Общей частью*. Что же касается порядка их расположения, то он определяется ролью и спецификой тех общественных отношений, которые ими регулируются.

На первое место, несомненно, должен быть поставлен институт *права собственности*, в котором получает закрепление основа социалистических производственных отношений – социалистическая собственность на орудия и средства производства, а также личная собственность граждан на предметы потребления. Право собственности служит предпосылкой для установления разнообразных договорных и иных обязательственных правоотношений. Поэтому вслед за нормами о праве собственности располагаются институты *обязательственного права*. Если право собственности и обязательственное право связаны лишь с имущественными отношениями, то права *авторов произведений* или *научных открытий*, а также *права изобретателей* включают в себя элементы как имущественного, так и личного неимущественного характера. Ввиду этого их регламентация не может предшествовать названным институтам, а должна следовать за ними, ибо вначале нужно исчерпать основные имущественные права и лишь затем переходить к случаям их переплетения с правами личными. Особый комплекс личных и имущественных отношений, возникают на почве семьи и брака, регулируется следующим разделом советского гражданского права – *семейным правом*. В качестве заключительного раздела общей системы советского гражданского права выступает *наследственное право*, определяющее судьбу имущественных, некоторых личных неимущественных прав на случай смерти лица, которому эти права принадлежали.

В итоге система советского гражданского права выглядит следующим образом:

I. Общая часть (субъекты, объекты, сделки, исковая давность).

II. Право собственности (право государственной социалистической собственности, право кооперативно-колхозной собственности, право собственности общественных организаций, право личной собственности, право собственности мелких частных хозяйств и единоличных крестьян и кустарей).

III. Обязательственное право (договоры и иные обязательства).

IV. Авторское право.

V. Право на открытие.

VI. Изобретательское право.

VII. Семейное право.

VIII. Наследственное право.

Расположение гражданско-правовых норм по определенной системе есть в известной мере технический прием. Но это не чистая техника, ибо в самой системе построения отрасли права выражается и ее *классовое* содержание. В правильности такого утверждения легко убедиться, сопоставив две различные системы построения буржуазных гражданских кодексов и противопоставив им систему советского гражданского права.

При одной из них, *институционной системе*, весь гражданско-правовой материал распределяется по трем рубрикам: 1) лица 2) собственность и ее видоизменения, 3) способы приобретения собственности. Такая система вполне соответствует тому факту, что собственники (лица) и их собственность составляют главную, если не единственную цель, которой служит буржуазное гражданское право. Нет поэтому ничего удивительного в том, что институционная система была применена во французском и других гражданских кодексах, изданных в период промышленного капитализма, когда противоречия капиталистического общества еще не достигли той остроты, которая побуждает буржуазных идеологов к более тщательной маскировке его классовой сущности.

Вторая, *пандектная система*, обладает перед институционной системой рядом технических преимуществ. Здесь выделяется Общая часть, которая освобождает специальные разделы кодекса от повторений, излишних взаимных отсылок и т. п. За Общей частью следует вещное, обязательственное, семейное и наследственное право. Но при такой системе главные «действующие лица» буржуазного гражданского права уже не выявляются с полной очевидностью. Собственники (лица) скрываются где-то в многочисленных рубриках Общей части, а собственность оказывается растворенной среди других вещных прав. Нет поэтому ничего удивительного в том, что пандектная система была использована в германском и в других гражданских уложениях периода империализма, когда максимальное обострение классовых противоречий капиталистического общества вызвало потребность в их тщательной маскировке⁴⁷.

Система советского гражданского права отличается как от институционной системы, с которой у нее нет даже внешнего сходства, так и от пандектной.

Если пандектная система не знает права собственности как особого раздела и рассматривает его в качестве лишь одной из разновидностей вещных прав, то в системе советского гражданского права нормы о праве собственности выделены в самостоятельный и притом центральный раздел. Этот факт имеет принципиальное значение, так как он ориентирует на классовую сущность советского гражданского права, основное ядро которого составляет право социалистической собственности и производное от него право личной собственности граждан. Кроме того, в противоположность пандектной системе, воспринятой, например, в германском гражданском уложении, в системе советского гражданского права обязательно-правовые нормы не предшествуют нормам о праве собственности, а следуют за ними. Это соответствует значению права собственности как главного основания и решающей предпосылки приобретения и осуществления других имущественных прав. Наконец, в отличие от пандектной системы как особые разделы системы советского гражданского права выделяются авторское право, право на открытие и изобретательское право.

Известное сходство с пандектной системой намечается главным образом в связи с выделением Общей части, существующей также и в системе советского гражданского права. Но здесь речь идет уже не о социальных, а о чисто технических моментах, составляющих к тому же несомненное достоинство пандектной системы. А от действительных достижений предшествующих эпох настоящие марксисты-ленинцы не должны отка-

⁴⁷ Приведенная оценка институционной и пандектной систем глубоким анализом их классовой сущности дана в работе В. К. Райхера, *Гражданско-правовые системы антагонистических формаций*, сборник «Проблемы гражданского и административно права», изд-во ЛГУ, 1962, стр. 275–313.

зываются ни в одной области человеческих знаний, в том числе и в области юридической техники.

§ 2. Система курс

Построение курса лекций. Система курса советского гражданского права соответствует системе гражданского права как отрасли советского права. Однако полного совпадения между ними быть не может. Как наука и учебная дисциплина советское гражданское право призвано к освещению ряда таких проблем, которые ввиду их общетеоретического характера не находят непосредственного отражения в законе. Гражданский закон – не учебник. Поэтому в нем, как правило, нет определения многих понятий, а также таких обобщений которые в законе были бы излишними, но которые в то же время очень важны для науки и в конечном счете имеют значение как для изучения гражданско-правовых норм, так и для их правильного применения на практике.

С учетом этих обстоятельств строится предлагаемый курс лекций по советскому гражданскому праву.

Курс в целом включает в себя следующие разделы: 1) *Введение*, в котором определяется понятие советского гражданского права, характеризуются его основные принципы и анализируется система его построения; 2) *Общая часть*, где изучается вопрос о гражданско-правовой норме и гражданском правоотношении и освещаются проблемы субъекта и объекта, оснований возникновения и способов защиты гражданских прав; 3) *Право собственности* с особым выделением общих положений, отдельных видов права собственности, существующих СССР, и методов их защиты; 4) *Общее учение об обязательствах*, включающее характеристику понятия, элементов и оснований возникновения обязательств, порядка их исполнения и ответственности за неисполнение, форм обеспечения и способов их прекращения; 5) *Отдельные виды обязательств* – гражданские договоры (купля-продажа, поставка, подряд и др.) и предусмотренные действующим законодательством внедоговорные обязательства (обязательства из причинения вред и др.); 6) *Авторское и изобретательское право*, а также *право на открытие*, анализу которых предшествуют общие положения, характеризующие гражданско-правовое регулирование отношений, которые возникают в связи с творческой деятельностью; 7) *Семейное право* с особым выделением основных групп общественных отношений, возникающих в связи с вступлением в брак и образованием семьи; 8) *Наследственное право*, которое рассматривается как совокупность норм, регулирующих и определяющих изменения, наступающие в правомочиях граждан в связи со смертью их обладателя.

Анализ основных проблем, освещаемых в данном курсе, опирается на действующее общесоюзное и республиканское законодательство. При этом за основу берется гражданское законодательство РСФСР, а нормы гражданских кодексов и иных нормативных актов, действующих в других союзных республиках, привлекаются лишь для показа некоторых их особенностей. Кроме того, в необходимых случаях, особенно при освещении смежных проблем, используются нормативные акты из области административного и иногда уголовного права.

Для того чтобы читатель мог не только усвоить содержание гражданско-правовых норм, но и представить себе их применение в жизни, теоретические положения иллюстрируются примерами из судебной и арбитражной практики. Материалы практики используются также в отдельных случаях для выявления тех путей, идя по которым, можно было бы разрешить тот или иной вопрос, имеющий существенное практическое значение, но еще не получивший разрешения в действующем законодательстве.

Советская юридическая, в том числе и гражданско-правовая, наука прочно опирается на незыблемый теоретический фундамент марксизма-ленинизма, которым обеспечивается единство мировоззрения и единство методологии исследования правовых явлений.

Однако в процессе исследования и при разрешении специальных вопросов советского гражданского права вполне возможны и действительно существуют разногласия между отдельными учеными, отстаивающими различные точки зрения. Спорные и еще не решенные проблемы имеются в любой науке. Наука советского гражданского права отнюдь не составляет в этом отношении какого-либо исключения. Определенную позицию по спорным проблемам науки советского гражданского права занимает и автор настоящего курса. Но было бы нелепо претендовать на бесспорность и непогрешимость тех выводов, которые здесь отстаиваются. Ввиду этого по основным дискуссионным проблемам гражданского права излагаются и взгляды других советских ученых, чтобы читатель имел возможность, ознакомившись с ними, самостоятельно определить свое отношение к тому или иному из предложенных в литературе решений. Этому будут способствовать также ссылки на основные источники, по которым читатель сможет отыскать заинтересовавшее его произведение и изучить такое произведение более детально.

Вполне естественно, что в предлагаемом курсе приводятся ссылки не на все, а лишь на основные работы советских цивилистов, относящиеся к соответствующим темам. По вполне понятным причинам ссылки на авторефераты диссертаций почти полностью отсутствуют, а использование материалов, отраженных в журнальных заметках и сообщениях, сведено до минимума. Автор не считал же нужным ссылаться на свои собственные работы, поскольку положения, которые в них отстаиваются, с известными коррективами нашли свое отражение и в данном курсе.

В порядке противопоставления и для показа состояния цивилистической теории в капиталистических странах подвергается критическому анализу ряд концепций буржуазных юристов, концепций, относящихся, однако, не к деталям и второстепенным вопросам, а к таким коренным проблемам, как, например, проблема правосубъектности, права собственности, договора и др. В соответствующих, кратких очерках освещается в критическом плане как содержание отдельных буржуазных цивилистических концепций, так и эволюция проделанная цивилистической наукой буржуазных стран с переходом от промышленного капитализма к эпохе империализма.

Раздел II Общая часть

Глава 1 Гражданско-правовые нормативные акты

§ 1. Источники советского гражданского права

Общая характеристика. Советское гражданское право представлено совокупностью многочисленных гражданско-правовых норм. Эти нормы создаются по воле государства. Оно устанавливает или санкционирует их, опираясь на экономические условия жизни социалистического общества и учитывая его назревшие материальные и иные потребности. Воля государства, воля рабочего класса и всех трудящихся, воля всего народа, определяемая экономическими условиями жизни социалистического общества, и составляет источник советского гражданского права.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что воля господствующего класса или воля всего общества не всегда имеет юридически обязательную силу. Когда, например, депутаты Верховного Совета СССР выступают в процессе обсуждения внесенных на сессию Верховного Совета законопроектов, они выражают волю своих избирателей и, в этом смысле, волю народа. Тем не менее нормативное значение имеют не их высказывания и не обсуждаемые законопроекты, а законы, принятые Верховным Советом. Это означает, что воля господствующего класса приобретает юридически обязательную силу, когда она выражается не в любой, а лишь в *определенной форме*. Такую форму в наших условиях образуют *государственные нормативные акты*.

Следовательно, если воля социалистического государства – *источник* советского гражданского права, то государственные нормативные акты представляют собою *форму*, придающую этой воле юридически обязательную силу.

Можно ли, однако, считать, что нормативные акты государства – это только форма выражения государственной воли?

В мире не существует явлений, которые выполняли бы либо функцию содержания, либо функцию одной лишь формы. Диалектика формы и содержания состоит как в их единстве и противоречивости, так и в том, что одно и то же явление выступает в качестве либо содержания либо формы, в зависимости от характера другого явления, в связи с которым оно рассматривается. Так, производственные отношения, будучи формой для производительных сил, приобретают значение содержания для надстройки. Воля государства, поскольку она относится к области надстройки, есть форма по отношению к базису общества и содержание по отношению к нормативным юридическим актам. Но тогда и нормативные юридические акты, становясь формой выражения воли государства, должны иметь по отношению к какому-то другому явлению значение содержания.

Они действительно играют такую роль, например, в отношении решений судебно-арбитражных органов по конкретным гражданским спорам, которые выносятся на основе и в соответствии с действующими нормативными гражданско-правовыми актами. При этом судебное или арбитражное решение по гражданскому делу обычно опирается не на нормативный акт в целом, а лишь на какую-либо его конкретную норму. Но так как текст статьи закона и гражданско-правовая норма не всегда совпадают, судебно-арбитражным органам

очень часто приходится брать либо часть одной статьи, либо одновременно несколько статей закона, если последние лишь в своем единстве воплощают норму гражданского права.

Здесь уже сам закон или иной нормативный акт выступает в качестве источника, из которого черпаются гражданско-правовые нормы для их практического применения. Источники советского гражданского права в этом смысле и подлежат нашему изучению. Обратимся к характеристике их отдельных видов.

Закон. Определяющее положение по отношению ко всем другим советским законам занимает *Конституция СССР* как основной закон нашего государства.

Будучи основным законом, Конституция составляет источник не только гражданского, но и всех вообще отраслей советского права, выступая в качестве юридической базы их развития. Но в то же время в Конституции содержится целый ряд норм, имеющих непосредственное отношение к гражданскому праву. *Институт права собственности* опирается на те статьи гл. I Конституции, которые определяют виды и формы собственности, существующие в СССР (ст. ст. 5–7, 9–10). Правила гл. X лежат в основе *правосубъектности граждан*, ибо, закрепляя их конституционные права и обязанности, эти правила предопределяют конкретное содержание прав и обязанностей, приобретаемых гражданами в соответствии с нормами гражданского права. Норма ст. 11 Конституции, формулирующая принцип планового управления социалистическим народным хозяйством, распространяется и на область гражданского оборота, где подавляющая масса имущественных отношений – *обязательственные отношения* между социалистическими организациями – возникает на основе плана. *Право наследования* личной собственности закреплено в ст. 10 Конституции. Мы можем поэтому сказать, что в Советской Конституции формулированы и закреплены общие, принципиальные положения, определяющие характер и содержание основных институтов советского гражданского права.

Развитие этих общих положений осуществляется при помощи законов *органических*, т. е. построенных по принципу кодифицированных законодательных актов, и *текущих*, т. е. относящихся к отдельным вопросам гражданского права.

В издании гражданских органических законов компетенция Союза ССР и союзных республик определена следующим образом: в общесоюзном масштабе должны издаваться Основы, а в республиканском – гражданские кодексы (ст. 14 Конституции СССР). Органические законы – Основы и кодексы – в свою очередь устанавливают компетенцию Союза ССР и союзных республик в издании актов текущего гражданского законодательства.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик приняты 8 декабря 1961 г. на седьмой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва и введены в действие с 1 мая 1962 г. В них закреплены наиболее общие и принципиальные положения советского гражданского права, конкретизация и детализация которых возложена на республиканские гражданские кодексы, а также на текущее союзное и республиканское законодательство. При этом ст. 3 Основ относит к исключительной компетенции Союза ССР гражданско-правовое регулирование таких отношений, самая природа которых требует установления для них единого правового режима в масштабе всей страны. Общесоюзным законодательством должны регулироваться отношения между социалистическими организациями по поставкам продукции и капитальному строительству, отношения по государственным закупкам сельскохозяйственной продукции у колхозов и совхозов, отношения организаций всех видов транспорта (кроме автомобильного и городского), связи и кредитных учреждений с клиентурой и между собой, отношения по государственному страхованию, отношения, возникающие в связи с открытиями, изобретениями и рационализаторскими предложениями, а также другие отношения, регулирование которых отнесено к ведению Союза ССР Конституцией и самими Основами (например, согласно ст. 17 Основ, помимо указанных ею случаев, неприменимость давностных сроков к другим граждан-

ским спорам может быть предусмотрена только общесоюзным законодательством). Издание республиканских нормативных актов для регулирования перечисленных отношений допускается лишь по вопросам, отнесенным к ведению союзных республик законодательством Союза ССР. Так, хотя регулирование отношений по государственному страхованию составляет общесоюзную компетенцию, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 декабря 1959 г.⁴⁸ поручил Советам Министров союзных республик определить сроки внесения колхозами страховых платежей по обязательному страхованию скота и лошадей.

В порядке реализации своей компетенции в сфере гражданского законодательства общесоюзные органы уже издали ряд нормативных актов, дополняющих и развивающих Основы. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1961 г.⁴⁹ утвержден Воздушный кодекс СССР (ВК) и постановлением Совета Министров СССР от 6 апреля 1964 г.⁵⁰ – Устав железных дорог СССР (УЖД), которыми заменены ранее действовавшие ВК 1935 года и УЖД 1954 года. Сохранили свою силу в том виде, в каком они не противоречат Основам, и другие нормативные акты общесоюзного значения, издание которых входит в компетенцию Союза ССР, такие, как Кодекс торгового мореплавания 1929 года (КТМ), Устав внутреннего водного транспорта 1955 года (УВВТ) и др. Следует также учитывать, что, говоря о гражданском законодательстве Союза ССР, Основы имеют в виду не только законы или принимаемые впредь до утверждения их законодательным органом указы, но и постановления союзного правительства, а также подзаконные акты, издаваемые другими общесоюзными органами (например, Госстроем, Госбанком, Госарбитражем и т. д.).

Гражданские кодексы союзных республик были изданы вслед за принятием Основ и в соответствии с ними. Они дополнили и развили Основы путем как конкретизации соответствующих общих и принципиальных положений, так и включения в свой состав институтов (например, договоров хранения, поручения, комиссии и др.), которых нет в Основых.

В 1964 году было завершено издание новых гражданских кодексов во всех союзных республиках. В Российской Федерации новый Гражданский кодекс принят 11 июня 1964 г. на третьей сессии Верховного Совета РСФСР шестого созыва и введен в действие с 1 октября 1964 г. С того же времени считается утратившим силу ранее действовавший ГК РСФСР 1922 года.

Новый ГК РСФСР состоит из восьми разделов. I раздел составляют «*Общие положения*», где вслед за основными положениями помещены нормы о субъектах гражданского права (лицах), а также о сделках, представительстве и доверенности, исчислении сроков исковой давности. II раздел называется «*Право собственности*» с включением в него норм, регулирующих отдельные существующие у нас виды собственности и определяющих порядок приобретения, прекращения и защиты права собственности. Затем идет раздел «*Обязательственное право*», который состоит из двух частей: общие положения, относящиеся к обязательственным правоотношениям различных видов, и правила об отдельных видах обязательств (различные договоры и обязательства недоговорного характера). Последующие разделы (IV–VI) посвящены правоотношениям, возникающим в связи с творческой деятельностью, – «*Авторское право*», «*Право на открытие*» и «*Изобретательское право*». В разделе VII сосредоточены нормы «*Наследственного права*». Завершается Кодекс правилами о правоспособности иностранцев и о применении гражданских законов иностранных государств, международных договоров и соглашений (раздел VIII). Эти правила составляют предмет особой науки и учебной дисциплины – международного частного права, а потому

⁴⁸ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г. № 49, ст. 268.

⁴⁹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1961 г. № 52, ст. 538.

⁵⁰ СП СССР 1964 г. № 5, ст. 36.

в курсе гражданского права не излагаются. Разделы I–III состоят из глав, приведенных в порядке сплошной нумерации (гл. гл. I–42), а разделы IV–VIII на главы не подразделяются.

В Кодексе содержится 569 статей, причем каждая из них имеет свой номер, а некоторые статьи (например, ст. 8) включают в себя ряд пунктов. Поэтому при ссылках на Кодекс нужно приводить номер использованной статьи, а в необходимых случаях соответствующий пункт⁵¹. Если бы впоследствии пришлось вводить в ГК новые статьи, то для обеспечения стабильности его нумерации они были бы помещены рядом с одной из имеющихся и наиболее близких к ним по содержанию статей Кодекса под тем же номером, но с добавлением буквенного обозначения («а», «б» и т. д.). Многие статьи ГК состоят из двух или нескольких абзацев (см., например, ст. ст. 41, 42, 45 и др.), каждый из которых обычно устанавливает самостоятельное правило. Абзацы именуется частями статьи и в ГК РСФСР (в отличие, например, от ГК Эстонской ССР) особо не пронумерованы. Но общепринято первый абзац считать первой, второй абзац – второй частью статьи и т. п., а в соответствующих ссылках должны делаться указания как на номер статьи, так и на использованную ее часть. После текста Кодекса могут быть помещены постатейные материалы: законы, не включенные по тем или иным причинам в текст Кодекса, подзаконные акты, постановления Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР. Статья, сопровождаемая такими материалами, снабжается помимо номера звездочкой. Ссылка на постатейные материалы, если она необходима, должна приводиться в виде указания на точное наименование помещенного в них акта.

При решении ряда вопросов Кодекс отсылает к республиканскому законодательству. Некоторые из предусмотренных им актов республиканского значения еще подлежат принятию, а другие либо приняты после издания ГК и заменили собою прежние нормативные акты (например, постановление Совета Министров РСФСР от 27 июля 1966 г. «Об авторском вознаграждении за драматические и музыкальные произведения»⁵²), либо были изданы ранее и сохраняют силу, поскольку они не противоречат ГК (как, например, Примерный устав дачно-строительного кооператива, утвержденный Советом Министров РСФСР 24 сентября 1958 г.⁵³). По вопросам, относящимся к компетенции Союза ССР, ГК отсылает к общесоюзному законодательству. В нем воспроизводятся обычно лишь те нормы общесоюзного значения, которые содержатся в Основах. Поэтому в дальнейшем приводятся ссылки не на Основы, а только на ГК, кроме случаев, когда прямое упоминание о тех или иных статьях Основ диктуется самим характером изложения.

Основы и ГК как акты гражданского законодательства не могут применяться к имущественным отношениям административно-правового характера (строящимся на подчинении одной стороны другой), включая отношения налоговые и бюджетные (ч. II ст. 2 Основ и ч. II ст. 2 ГК). Вместе с тем специальные кодексы и уставы созданы для регулирования таких отношений, как семейные (Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года – КзобСО), земельные (Земельный кодекс РСФСР 1922 года – ЗК), трудовые (Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года – КЗоТ) и колхозные (Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 года с учетом предоставленного в 1956 году колхозам права вносить в свои конкретные уставы правила, отличающиеся от норм Примерного устава). Поэтому ч. III ст. 2 Основ и ч. III ст. 2 ГК отмечают, что семейные, трудовые, земельные отношения, а также отношения в колхозах, вытекающие из их устава, регулируются соответственно семейным, трудовым и колхозным законодательством. Но этим не исключается при наличии пробелов в специальном законодательстве применение к перечисленным отношениям соответствующим

⁵¹ В кодексах и уставах, а также в законах и указах принято различать статьи (ст. ст.) с выделением при необходимости пунктов (пп.). Другие нормативные акты подразделяются на пункты с выделением иногда подпунктов (п/п).

⁵² СП РСФСР 1966 г. № 23–24, ст. 116.

⁵³ СП РСФСР 1958 г. № 13, ст. 154.

щих правил Основ и ГК, причем некоторые из них (например, ст. 23 ч. IV ст. 87 Основ, воспроизведенные в ст. ст. 100, 101 и ч. IV ст. 395 ГК) прямо рассчитаны на указанные отношения.

В особом положении находятся отношения по внешней торговле. Согласно ч. III ст. 3 Основ, их правовое регулирование определяется специальным законодательством Союза ССР. Таковы, например, Положение о торговых представительствах и торговых агентствах СССР за границей⁵⁴, правила о форме и порядке подписания внешнеторговых сделок⁵⁵, уставы (положения) внешнеторговых организаций и др. Однако при неурегулированности каких-либо конкретных вопросов в специальном законодательстве к отношениям по внешней торговле применяются общие правила гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ч. III ст. 3 Основ и ч. III ст. 3 ГК).

Указ. Будучи актом, подчиненным закону, указ отличается от других подзаконных актов тем, что он может изменять закон в неотложных случаях с обязательным последующим утверждением такого указа на сессии Верховного Совета. В этом своем качестве указ и используется для создания новых гражданско-правовых норм.

Имеются, однако, и такие указы гражданско-правового значения, которые носят сугубо подзаконный характер, а потому, как и все иные подзаконные акты, в особом утверждении законодательным органом не нуждаются. Таковы, например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1962 г. «О порядке введения в действие Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства»⁵⁶ и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1964 г.; «О порядке введения в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов РСФСР»⁵⁷. Практическая значимость названных указов определяется тем, что в соответствии с их правилами выявляются гражданские правоотношения, подчиненные Основам и новому ГК, с отграничением правоотношений, на которые продолжает распространяться действие прежнего гражданского законодательства.

В прошлом (1936–1957 гг.), когда издание Гражданского кодекса относилось к компетенции Союза ССР, необходимые изменения в гражданское законодательство вносились главным образом путем издания общесоюзных указов. В современных условиях положение существенно изменилось в связи с дальнейшим укреплением суверенитета союзных республик и соответствующим расширением компетенции республиканских государственных органов. После передачи союзным республикам полномочий по изданию гражданских кодексов общесоюзными указами могут изменяться лишь законодательные акты по вопросам гражданского права, отнесенным к исключительной компетенции Союза ССР или совместной компетенции СССР и союзных республик, а все другие изменения действующего гражданского законодательства осуществимы только путем издания республиканских законов или подлежащих последующему утверждению законодательным органом указов Президиумов Верховных Советов союзных республик.

Подзаконные акты. Первую группу подзаконных актов составляют *постановления и нормативные распоряжения* Совета Министров. При этом, поскольку отношения по плано-хозяйственным договорам и другие отношения, перечисленные в ст. 3 Основ, регулируются не ГК, а общесоюзным законодательством, особенно существенное значение приобретают издаваемые в этой области постановления Совета Министров СССР и по наиболее важным вопросам хозяйственной жизни страны – совместные постановления ЦК КПСС

⁵⁴ СЗ СССР 1933 г. № 59, ст. 354.

⁵⁵ СЗ СССР 1930 г. № 56, ст. 383; 1936 г. № 1, ст. 3 и № 62, ст. 450.

⁵⁶ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1962 г. № 15, ст. 156.

⁵⁷ «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1964 г. № 24, ст. 416.

и Совета Министров СССР. В результате нормотворческой деятельности Советского правительства обеспечено в необходимом объеме регулирование отношений между социалистическими организациями по поставкам и капитальному строительству, а также по перевозкам, кредитованию, расчетам, страхованию и др. В связи с расширением прав союзных республик, в том числе и их полномочий по управлению социалистическим хозяйством, важную роль в нормировании гражданских правоотношений играют также нормативные акты, издаваемые Советами Министров союзных республик. Кроме того, имеется немало постановлений Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик (о работе торгующих организаций, об управлении жилым фондом и т. д.), которые применяются к имущественным отношениям с участием как организаций, так и граждан.

Вторую группу подзаконных актов составляют *приказы, инструкции, постановления и правила*, исходящие от министерств, иных ведомств и государственных комитетов (по вопросам труда и заработной платы, по строительству и др.). Названные акты, издаваемые в пределах компетенции перечисленных органов, рассчитаны на соответствующие отрасли хозяйственной деятельности (например, акты Министерства путей сообщения или Госстроя СССР), науки и техники, культуры и искусства (например, акты Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР или Министерства культуры СССР и союзной республики). На сферу отношений по торговле и коммунальному обслуживанию населения (например, акты Министерства торговли СССР, а также министерств торговли и коммунального хозяйства союзных республик) и т. д. Согласно п. 5 Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР⁵⁸ арбитраж утверждает отдельные виды Особых условий поставки, дает разъяснения по применению Положений о поставках и инструктирует арбитражные органы для обеспечения необходимого единства в разрешении споров. Поэтому к числу источников гражданского права подзаконного характера должны быть отнесены инструкции и инструктивные указания Госарбитража при Совете Министров СССР.

Третью группу подзаконных актов составляют *решения и нормативные распоряжения* местных органов власти. Судебные и арбитражные органы ссылаются на них при разрешении различных гражданских споров. Наиболее часто применяются решения местных органов власти, во-первых, по вопросам ведения торговли в данной местности и, во-вторых, в отношении порядка управления жилым фондом, находящимся в ведении местных Советов.

Обычай и обыкновения. К обычаям как к правилам поведения, которые складываются в обществе стихийно, передаются из поколения в поколение и соблюдаются людьми в силу привычки, Советское государство относится по-разному, в зависимости от содержания каждого данного обычая.

С обычаями, выражающими уродливые пережитки прошлого, государство борется самым решительным образом, вплоть до применения мер уголовного наказания к лицам, соблюдающим такие обычаи. Глава XI УК РСФСР специально предусматривает преступления, составляющие пережитки старого быта в определенных местностях, т. е. преступления, совершаемые в результате следования старым обычаям. К некоторым обычаям государство относится юридически безразлично, и если ведет борьбу с ними, то при помощи нравственных, но не правовых средств. Поэтому, например, нельзя в принудительном порядке взыскать «долг», который образовался вследствие выигрыша пари, но нельзя принудительно взыскать такой «долг» обратно, если он был выплачен добровольно. Право не запрещает следовать таким обычаям, но и не понуждает к их соблюдению.

В тех же редких случаях, когда обычай, не противоречащий интересам народа, может быть использован для разрешения правовых вопросов, государство своими актами санк-

⁵⁸ СП СССР 1960 г. № 15, ст. 127.

ционирует его, придавая ему юридически обязательную силу. Нужно, однако, признать, что современное гражданское законодательство таких случаев не знает.

Действительно, ст. 75 Земельного кодекса РСФСР устанавливает, что суд, производя раздел имущества крестьянского двора и определяя имущество, которое признается личной принадлежностью отдельных членов двора, должен руководствоваться местными обычаями. Но в новом ГК (ст. ст. 129–131) данный вопрос решается без ссылки на обычаи, а потому утратила силу ст. 75 Земельного кодекса.

Об обычаях говорят и некоторые нормы Кодекса торгового мореплавания. Согласно ст. ст. 89 и 90 КТМ при отсутствии соответствующего соглашения сторон вопрос о сроке погрузки, простоя судна после истечения срока для погрузки, о размере штрафа за простой и о вознаграждении, причитающемся грузоотправителю за досрочную погрузку, разрешается на основе обычаев, действующих в данном порту. Но так как размеры платежей в советских портах определяются в централизованном порядке, а сроки погрузочных работ устанавливаются планом, речь могла бы идти лишь о применении обычаев в сфере внешнеторговых отношений для определения сроков погрузки. Фактически, однако, такие сроки зависят не от «вековых обычаев», а от степени технической оснащённости порта. Поэтому правильнее считать, что здесь мы имеем дело не с обычаями, а с законодательным санкционированием технических норм. От обычаев, которые как переходящие из поколения в поколение соблюдаются в силу традиции, нужно отличать обыкновения, не носящие «векового» характера, а утвердившиеся в деятельности советских промышленных, торговых и иных хозяйственных организаций, в работе ателье бытового обслуживания и прокатных пунктов, в деловых отношениях между гражданами. Сложившиеся обыкновения как таковые обязательного значения не имеют. Так, если магазин обязался заказанный товар доставить на дом гражданину, магазин должен это сделать и не может уклониться от исполнения принятой на себя обязанности ссылкой на то, что обычно подобные операции им не производятся. Но когда в законе, акте планирования или договоре какой-либо вопрос вовсе не находит разрешения, тогда, как сказано в ч. I ст. 168 ГК, обязательство должно выполняться в соответствии с «обычно предъявляемыми требованиями», т. е. сообразно с существующими деловыми обыкновениями. В том же примере при отсутствии упомянутого особого условия в договоре обязанность выборки заказанного товара в соответствии с обычным порядком работы магазина лежала бы на покупателе. Следовательно, деловые обыкновения (обычно предъявляемые требования) обладают лишь субсидиарным (вспомогательным) юридическим значением и применяются с санкции закона только тогда, когда в нем самом или в совершаемых на его основе актах (в договорах, актах планирования), возникший вопрос не получил разрешения.

Постановления Пленума Верховного Суда СССР. В соответствии с пп. «в» п. 9 Положения о Верховном Суде СССР⁵⁹ Пленуму Верховного Суда СССР предоставлено право давать руководящие разъяснения судебным органам по вопросам применения действующего законодательства при рассмотрении судебных дел. Поскольку такие разъяснения могут быть даны и относительно применения судебными органами норм гражданско-правового законодательства, постановления Пленума Верховного Суда СССР, в которых эти разъяснения содержатся, следует считать источниками гражданского права.

Признание за постановлениями Пленума Верховного Суда СССР значения источников права иногда отрицается на том основании, что суд есть орган, применяющий правовые нормы к конкретным случаям, и если бы он, кроме того, сам мог творить право, уже нельзя было бы говорить ни о законности, ни о принципах ее соблюдения. Но при определенных условиях правовые нормы применяются к конкретным случаям не только судом, а и всеми

⁵⁹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1957 г. № 4, ст. 85

другими органами Советского государства – начиная от Верховного Совета СССР и кончая местными Советами депутатов трудящихся. Это обстоятельство не препятствует, однако, признанию значения источников права за теми их актами, которые издаются не по поводу конкретного случая, а для установления общих правил. Почему же тогда руководящие разъяснения, которые содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда и которые тоже носят общий характер, а не связаны с разрешением какого-либо конкретного дела, не могут иметь такого значения?

Верховный Суд СССР – высший орган советской судебной системы (ст. 104 Конституции СССР). В этом своем качестве он вправе, как и любой другой орган, возглавляющий данную систему, издавать обязательные для нее нормативные акты, что и предусматривается п/п «в» п. 9 Положения о Верховном Суде СССР. Но так как в отношении с судебными органами могут вступить любые лица, то вполне естественно, что обязательная сила постановлений Пленума Верховного Суда СССР распространяется также и на этих лиц. В результате указанные постановления становятся общеобязательными актами и потому должны быть признаны одним из источников советского права.

От руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР следует отличать *судебную практику*.

Под судебной практикой понимают обобщенное выражение единой линии советских судебных органов при разрешении дел данной категории, находящей свое воплощение во вступивших в законную силу решениях и определениях низовых и вышестоящих судебных инстанций. Выявление такой единой линии важно для уяснения смысла советских законов и их правильного применения. Она учитывается также законодателем в процессе совершенствования действующего законодательства и издания новых нормативных актов. Но так как судебная практика не закрепляется в форме общенормативных правил и представляет собою совокупность решений по *конкретным* делам, она источником права не становится.

§ 2. Применение и толкование гражданско-правовых норм

Применение норм гражданского права. Иногда думают, что нормы права применяются лишь в тех случаях, когда совершается противоправное действие.

Такой взгляд был бы правильным, если бы он ограничивался одним лишь уголовным правом. Действительно, пока лицо не совершает преступных деяний, можно говорить о том, что оно соблюдает действующие уголовные законы, но при этом отсутствует какая бы то ни было почва для их применения. Применить уголовный закон означает не что иное, как установить предусмотренную в нем меру наказания. Но для этого необходимо, чтобы было совершено преступление.

Достаточно, однако, выйти за пределы уголовного права, чтобы сразу стала очевидной ошибочность подобного взгляда на понятие применения правовых норм. Он неприемлем, в частности, и для области гражданского права.

В гражданском праве следует различать соблюдение и применение правовых норм. Применять нормы права – значит устанавливая гражданские правоотношения своими сознательными, дозволенными, юридически устремленными действиями. Поэтому, если кто-либо исполняет договор, следуя требованиям гражданско-правового законодательства, то он именно соблюдает, но не применяет его. Однако для применения гражданско-правовых норм, в отличие от норм уголовного права, вовсе не обязательно, чтобы было совершено правонарушение. Так, при удостоверении органами нотариата купли-продажи жилого строения, при разделе судом общего имущества по просьбе его собственников, не могущих прийти к согласованному решению, при согласовании органами арбитража условий планового договора, заключаемого социалистическими организациями, нет ничего противоправ-

ного в тех действиях, которые вызвали необходимость совершения перечисленных актов. Но все эти акты представляют собой не что иное, как применение гражданско-правовых норм к реальным общественным отношениям.

Следовательно, нормы советского гражданского права применяются не только в случаях совершения правонарушений, но также для придания юридической силы правомерному, дозволенному поведению участников социалистического гражданского оборота.

В связи с тем, что гражданско-правовые нормы распространяются как на неправомерное, так и на дозволенное поведение, они не могут и не должны связывать во всех случаях волю участников правоотношений заранее фиксированными, точными требованиями, не терпящими никаких отступлений. Такие требования уместны и даже необходимы, когда предельная точность поведения людей неразрывно связана со спецификой общественных отношений, участниками которых они становятся. Примером этого могли бы служить некоторые вопросы, разрешаемые для плановых отношений между социалистическими организациями. Но в то же время для развертывания собственной инициативы субъектов советского гражданского права желательное разумное сочетание точно фиксированных требований закона с предоставлением возможности выбора различных, наиболее удобных в данных условиях для участников гражданского оборота форм поведения. Этой задаче соответствует сочетание в действующем гражданско-правовом законодательстве императивных (повелительных) и диспозитивных (восполнительных) норм.

Императивными называются нормы, правила которых не могут быть заменены каким-либо иным условием, установленным для данного правоотношения его участниками.

Например, ст. 80 ГК гласит: «Изменение по соглашению сторон сроков исковой давности и порядка их исчисления не допускается». Норма этой статьи императивна, ибо формулированное в ней правило не терпит никаких отступлений, вводимых по договоренности между участниками гражданских правоотношений. И если бы они тем не менее достигли договоренности об иных давностных сроках, применялись бы все равно сроки, установленные в законе.

Диспозитивными называются нормы, правила которых применяются лишь в случаях, когда участники правоотношения не выработали иного условия по вопросу, разрешенному в данной норме.

Например, контрагенты договора имущественного найма могут договориться о том, кто из них будет производить капитальный ремонт сданного внаем имущества во время действия договора. Но как быть, если в процессе заключения договора они вообще не вспомнили о распределении обязанностей по капитальному ремонту, а впоследствии возникла необходимость в его производстве? Тогда на помощь договорным контрагентам пришла бы ч. I ст. 284 ГК, устанавливающая, что капитальный ремонт обязан производить за свой счет наймодатель, «...если иное не предусмотрено законом или договором». Норма этой статьи диспозитивна, ибо она позволяет участникам договора по-иному формулировать определенное в ней условие и лишь восполняет достигнутое между ними соглашение при обнаружении в нем пробела. Поэтому, если бы договором обязанность по производству капитального ремонта была возложена на нанимателя, действовало бы договорное условие, а не правило ст. 284 ГК.

Таким образом, по характеру своего действия нормы императивные и диспозитивные существенно друг от друга отличаются. Вследствие этого весьма важно научиться различать их при ознакомлении с текстом закона.

Часто решение этой задачи облегчается благодаря некоторым указаниям, содержащимся в самом законе. Так, диспозитивные нормы обычно сопровождаются словами «если иное не вытекает из договора» (см., например, ч. II ст. 172), «поскольку в договоре не предусмотрено иное» (см., например, ч. IV ст. 209 ГК) и т. п. В императивных нормах нередко

употребляются такие формулы, как «недействительны» (см., например, ч. II ст. 12 ГК), «не допускается» (см., например, ст. 230 ГК) и т. п. Кроме того, императивной оказывается всякая норма, содержащая в себе запрет (см., например, ч. III ст. 105 ГК) или категорически выраженное долженствование (см., например, ст. 144 ГК).

Но если ни приведенных, ни аналогичных указаний в тексте закона нет, вопрос об императивной или диспозитивной природе соответствующей правовой нормы должен быть решен путем анализа и оценки ее содержания.

Например, ч. I ст. 13 ГК гласит: «Несовершеннолетние в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет совершают сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителей» (последние именуется обычно законными представителями). Ясно, что такая норма, хотя в ней и нет на этот счет прямых оговорок, императивна, ибо если без согласия своих законных представителей несовершеннолетний не может вообще совершать сделок, то он тем более не может заключить с кем-либо соглашение о том, что вступит с ним в сделку, минуя своих законных представителей. Напротив, ч. III ст. 360 ГК, хотя и в ней нет по этому поводу прямых указаний, формулирует диспозитивную норму. «При наличии уважительных причин, – говорится в этой статье, – заказчик вправе во всякое время до окончания работы отказаться от договора...» Вправе, но не обязан! Следовательно, он может и отказаться от своего права. И если бы такой отказ был закреплен в самом договоре, заказчик уже не имел бы права, предоставляемого ему ч. III ст. 360 ГК.

Для правильного применения правовой нормы необходимо установить, императивна она или диспозитивна, а чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять смысл закона, истолковать его содержание. Но к толкованию закона прибегают не только для решения вопроса об императивном или диспозитивном характере гражданско-правовой нормы. Оно имеет гораздо более широкое значение, ибо, не уяснив смысл закона, оперировать им вообще невозможно. Поэтому проблема толкования нуждается в специальном изучении.

Толкование гражданско-правовых нормативных актов. Чтобы применить правовую норму, нужно уяснить ее смысл. Нередко эта задача никаких затруднений не вызывает. Например, ч. 1 ст. 105 ГК указывает: «В личной собственности граждан может находиться имущество, предназначенное для удовлетворения их материальных и культурных потребностей». Смысл приведенной нормы настолько ясен, что для его обнаружения не нужно прибегать к каким-то особым аналитическим приемам.

Возьмем теперь в качестве примера ч. II ст. 41 ГК: «Сделки могут быть односторонними и двух- или многосторонними (договоры)». Здесь уже многое остается неясным, так как если понятие сделки определено в ч. 1 той же статьи, то сущность односторонних, двух- и многосторонних сделок самим законом не разъясняется. Между тем выявление сущности этих понятий необходимо уже хотя бы потому, что некоторые правила ГК рассчитаны на договоры и не применяются к односторонним сделкам. В таких и других подобных случаях практическое значение толкования особенно ощутимо.

Толкование гражданско-правовой нормы и есть не что иное, как уяснение ее смысла путем устранения обнаруженных неясностей для обеспечения правильного применения нормы гражданского права на практике.

Советские законы, выражающие волю народа и обращенные к народу, пишутся простым, ясным, общедоступным языком. И если в нашем законе изредка встречаются те или иные неясности, то происходит это в силу причин двоякого рода.

Во-первых, формулы закона должны быть максимально краткими, ибо в противном случае его масштабы настолько увеличились, что это наносило бы прямой ущерб делу усвоения закона и его должного практического использования. Но предельная краткость законодательных формул может быть достигнута лишь на основе максимальной концентрации мысли в рамках сравнительно небольших законодательных текстов. Вследствие этого ино-

гда и возникает так называемое разночтение, т. е. неодинаковое понимание одного и того же текста разными лицами, устраняемое путем толкования.

Во-вторых, законы издаются на более или менее длительное время, между тем как регулируемые ими общественные отношения развиваются и меняются непрерывно. С какой бы быстротой ни менялись законы, жизнь меняется быстрее. Новые жизненные факты не могут получить точного словесного отражения в старом законе, но в большинстве случаев так или иначе охватываются его смыслом. Чтобы выявить тот глубокий смысл закона, который позволяет распространить его на новые общественные отношения, также необходимо подвергнуть закон толкованию.

При этом толкование должно способствовать уяснению действительного смысла закона, а не подменять его содержанием выводами, привносимыми в закон теми, кто его толкует. Принцип социалистической законности предполагает не только точное соблюдение, но и *единообразное применение* советских законов. На это постоянно указывал В. И. Ленин, требуя «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике...»⁶⁰ Чтобы толкование закона не выходило за рамки принципа социалистической законности, а всецело опиралось на этот принцип и служило одним из средств его последовательного осуществления, самое толкование должно подчиняться определенным требованиям, зафиксированным в законе и развитым на основе закона в советской юридической науке.

В науке теории государства и права принято виды толкования группировать а) по субъекту, б) по способу, в) по объему толкования. Наша задача должна заключаться в том, чтобы проследить применение этих разнообразных видов толкования на конкретном гражданско-правовом материале.

В зависимости от того, какой субъект его производит, различают толкование аутентическое, легальное, судебное (казуальное) и научное (доктринальное).

Аутентическим называют толкование, производимое тем же органом, который издал толкуемый акт. Именно поэтому аутентическое толкование имеет такую же общеобязательную силу, как и нормативный акт, на истолкование которого оно направлено.

Например, 24 ноября 1952 г. Госарбитраж при Совете Министров СССР издал инструкцию о порядке рассмотрения государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции⁶¹. Для стимулирования получателя такой продукции к быстрейшему реагированию за подобные нетерпимые факты Инструкция в ч. I п. 27 установила, что, если потребитель нарушит сроки и порядок предъявления претензий к поставщику, арбитраж вправе часть штрафов взыскать с поставщика не в пользу получателя, а в доход государственного бюджета. На практике возник вопрос, применимо ли то же правило к случаям, когда сроки и порядок предъявления претензии соблюдены, но вопреки запрещению закона, получатель, вместо возврата недоброкачественной продукции поставщику, стал ее использовать. Этот вопрос разрешен положительно самим Госарбитражем при Совете Министров СССР в п. 11 его Инструкции от 29 марта 1962 г.⁶², и, следовательно, неясность устранена путем аутентического толкования.

Легальным признается толкование, которое по поручению органа, издавшего толкуемый акт, производится иным государственным органом. Подобное поручение обычно общим образом формулируется в законе и тем самым придает легальному толкованию обще-

⁶⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198.

⁶¹ «Инструктивные указания Государственного арбитража при Совете Министров СССР (систематизированный сборник)», «Юридическая литература», 1964, стр. 120–127. В дальнейшем название сборника будет даваться сокращенно «Систематизированный сборник».

⁶² «Систематизированный сборник», стр. 114–120.

обязательную силу. Так, согласно п. «в» ст. 49 Конституции СССР право легального толкования действующих в СССР законов предоставлено Президиуму Верховного Совета СССР. Следует признать легальным также толкование, которое в соответствии с п/п «в» п. 9 Положения о Верховном Суде СССР производит в своих руководящих разъяснениях Пленум Верховного Суда СССР. Однако даваемое им толкование существенно отличается от толкования, осуществляемого Президиумом Верховного Совета: во-первых, Пленум может толковать не всякие, а только такие законы, которые применяются судебными органами, и, во-вторых, он вправе лишь разъяснять действующие законы, но не сопровождать свои разъяснения созданием правил, которые законом не предусмотрены и прямо из смысла закона не вытекают. Если же без создания таких правил истолковать действующий закон невозможно, Пленум вправе войти с представлением об его истолковании в Президиум Верховного Совета СССР (п/п «в» п. 9 Положения о Верховном Суде СССР).

Нормы гражданского права неоднократно подвергались истолкованию в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Так, ст. 454 ГК (как и ст. 90 Основ) возлагает ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности (промышленными предприятиями, транспортными средствами и т. п.), на владельца этого источника. Понятно, что, когда, например, личный собственник автомашины причиняет кому-либо вред во время ее эксплуатации, он должен его возместить. Но кого следует привлечь к ответственности за причинение вреда автомашиной в то время, как по доверенности собственника ее эксплуатировало другое лицо? Поскольку ст. 454 ГК предусматривает возложение ответственности не обязательно на собственника, но всегда на владельца, Пленум Верховного Суда СССР разъяснил в п. 5 своего постановления от 23 октября 1963 г.⁶³, что и в указанных случаях отвечать перед потерпевшим должен тот, кто эксплуатировал машину, а не ее собственник.

Судебное (или казуальное) – это такое толкование, которое дается судебными органами в выносимых ими решениях и определениях по конкретным делам. Как только решение или определение суда вступает в законную силу, одновременно с этим законную силу приобретает и содержащееся в нем толкование гражданско-правовых норм. Однако в отличие от аутентического и легального судебного (казуального) толкование лишено общего значения и обязательно лишь для того конкретного дела, в связи с рассмотрением которого оно было произведено.

В некоторых судебных решениях, например, сдаваемое внаем жилое помещение (квартира или комната) объявляется несуществующим с одновременным отказом нанимателю в иске о возврате ему этого помещения, если вследствие капитального ремонта оно существенно увеличилось в своем размере. Но такое толкование ст. 319 ГК отнюдь не бесспорно, тем более что в ней идет речь не об увеличении, а существенном уменьшении размера подвергнутых переустройству и перепланировке жилых помещений. При всех, однако, обстоятельствах оно не обязательно для разрешения судами других дел той же категории.

Научное (или доктринальное) толкование, т. е. толкование, даваемое, например, в юридической литературе, в процессе научных дискуссий, на теоретических конференциях по вопросам права и т. п., по своему значению существенно отличается от всех ранее рассмотренных случаев толкования. Действительно, аутентическое и легальное толкования общеобязательны и имеют такую же силу, как и истолкованный ими нормативный акт. Судебное толкование не становится общезначимым, но и ему свойствен элемент обязательности, хотя бы по отношению к тому конкретному делу, в связи с которым оно было произведено. Напротив, доктринальное толкование вообще не имеет обязательной силы: суд, применяя закон, может согласиться с ним, но может и не принять его во внимание.

⁶³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 6, стр. 13–23.

Так, например, ст. 49 ГК выделяет в специальную группу и сопровождает особенно жесткими санкциями сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества. Различные авторы круг таких сделок очерчивают неодинаково. Одни считают, что имеются в виду сделки, посягающие на самые устои советского государственного и общественного строя, а, по мнению других, к их числу могут относиться и иные, менее опасные, но все же противоречащие общественным и государственным интересам сделки. Однако ни то ни другое толкование для суда не обязательно, ибо каждое из них носит доктринальный, а не официальный характер.

Каково же в таком случае практическое значение научного толкования? Хотя научное толкование и не имеет обязательной силы, но его практическое значение огромно. Производимое участниками процесса во время рассмотрения гражданского спора, оно может оказать влияние на судебное решение, если суд признает его правильным, а потому согласится с ним. С другой стороны, научное толкование как результат глубокого анализа закона, изучения и обобщения практики его применения представляет собою тот рабочий этап, который должен быть пройден, чтобы накопить и подготовить материал, необходимый для официального (аутентического и легального) толкования, а также для внесения целесообразных изменений в действующее законодательство. В этом смысле доктринальное толкование оказывается важным и практически весьма существенным дополнением всех других различаемых по субъекту видов толкования.

Мы установили, таким образом, кто, какой орган, какое лицо может толковать гражданско-правовые нормы, и соответственно этому определили юридическую силу толкования, производимого различными органами и лицами. Вслед за тем необходимо остановиться на характеристике разнообразных *приемов*, или *способов*, которыми надлежит пользоваться в процессе толкования.

Прежде чем приступить к анализу нормативного акта, нужно подвергнуть его, так называемой, *низшей критике*, под которой понимают обнаружение законодательного текста в его последней действующей редакции. Так, Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях утверждено Советом Министров СССР 24 апреля 1959 г.⁶⁴ Но за истекшее время оно изменялось и дополнялось несколько раз. Поэтому, если бы толкующий пользовался текстом Положения в редакции 1959 года, он фактически толковал бы акт, который в таком виде уже не действует. Предотвратить подобные ошибки можно лишь путем использования того приема, который принято именовать *низшей критикой*.

Кроме того, суду иногда приходится, сталкиваясь с тем или иным нормативным актом, подвергать его проверке с точки зрения компетентности данного органа к изданию данного акта. Так, однажды исполком городского Совета депутатов трудящихся утвердил правила работы ателье по бытовому обслуживанию граждан. В правилах говорилось, что, если заказчик в установленный срок не получит предмет, изготовленный для него в ателье, предмет реализуется, а деньги, вырученные от его продажи, возвращаются заказчику по требованию, заявленному им в пределах трехмесячного срока. Между тем Гражданский кодекс устанавливает для предъявления требований такого рода трехгодичный срок. Исполком местного Совета не мог, конечно, изменять сроки, установленные республиканским законом, а потому и не был уполномочен на принятие соответствующей нормы. Естественно, что суд, установив при рассмотрении спора между ателье и заказчиками некомпетентность исполкома местного Совета к изданию данного решения, не мог им руководствоваться. Такая проверка нормативного акта именуется его *высшей критикой*.

⁶⁴ СП СССР 1959 г. № 9, ст. 59.

После того как проведена низшая, а в необходимых случаях высшая критика нормативного акта, обращаются к разработанным в науке приемам толкования для устранения выявленных неясностей.

Наука теории государства и права различает следующие приемы, или способы, толкования закона: а) грамматическое, б) логическое, в) систематическое, г) историческое толкование.

Грамматическим называется толкование, при котором неясности, обнаруженные в нормативном акте, устраняются с помощью правил грамматики того языка, на котором написан его текст.

Например, перечисляя последствия, которые должны наступить в результате душевной болезни или слабоумия, чтобы можно было признать гражданина недееспособным, ч. 1 ст. 15 ГК говорит о неспособности, во-первых, понимать значение своих действий и, во-вторых, руководить ими. Но так как в тексте ст. 15 перечень этих последствий выражен при помощи разделительного союза «или», любого из них достаточно для признания гражданина недееспособным. Напротив, в ст. 23 ГК при перечислении признаков юридического лица (обладание обособленным имуществом, приобретение прав и несение обязанностей от собственного имени, способность выступать в качестве истца и ответчика) употребляется соединительный союз «и». Поэтому, если какая-либо организация наделена правами юридического лица, она должна обладать всеми признаками, перечисленными в ст. 23.

Разнообразные понятия и термины, как правило, используются в законе в их обычном словоупотреблении. Если же законодатель прибегает к какой-либо особой терминологии (так называемые технические юридические термины), ее смысл разъясняется в самом законе. Употребив, например, термин «гражданская правоспособность», ч. 1 ст. 9 ГК указывает, что под нею следует понимать «способность иметь гражданские права и обязанности».

Но иногда технические термины закона не сопровождаются соответствующими разъяснениями. В таких случаях их смысл должен быть выявлен путем толкования.

Например, в обычном употреблении слова «собственность» и «владение» – синонимы, а в некоторых словосочетаниях эти слова, имея одно и то же значение, даже не могут быть друг другом заменены. Так, мы говорим «домовладелец», но никогда не говорим «домособственник». Обратимся, однако, к тексту ст. 92 ГК. «Собственнику, – сказано в этой статье, – принадлежат права владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом». Очевидно, ст. 92 ГК употребляет «владение» не в качестве синонима «собственности», ибо тогда незачем было бы добавлять, кроме того, указание на пользование и распоряжение. Значит, хотя в законе и нет соответствующих разъяснений, термин «владение» употреблен здесь в каком-то особом, техническом, смысле. Выявить этот смысл не так уж трудно. Для этого достаточно применить метод исключения. В самом деле, если у собственника отнять право пользования и распоряжения, то у него останется лишь фактическое обладание имуществом. Это и называется владением в ст. 92 ГК.

Логическим признается толкование, при котором смысл нормативного акта устанавливается путем выявления содержания употребленных в нем понятий и соотношения между ними.

Например, действующие законы пользуются нередко такими понятиями, как «предприятие» и «учреждение», устанавливая различный правовой режим для этих двух видов социалистических организаций. В большинстве случаев вопрос о том, считать ли данную организацию предприятием или учреждением, сомнений не вызывает. Ясно, что Кировский завод в Ленинграде – это предприятие, а Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина – учреждение. Но вот перед нами такая организация, как театр, переведенный на хозяйственный расчет. Что это – предприятие или учреждение? По характеру деятельности как будто бы учреждение, ибо театр занимается не хозяйственной, а культурно-воспитательной рабо-

той, но по методу финансирования его следует, видимо, отнести к разряду предприятий, поскольку театр переведен на хозрасчет и работает на прибыльных началах. Значит, суть дела состоит в том, чтобы установить, на какой признак опирается законодатель, пользуясь понятиями «предприятие» и «учреждение», – на характер деятельности или на метод финансирования. Воспользуемся для решения этого вопроса приемом, который в науке логики называется доведением до абсурда (*reductio ad absurdum*).

Предположим, что решающее значение имеет не характер деятельности, а метод финансирования. Тогда пришлось бы признать, что театры, переведенные на хозрасчет, стали предприятиями, а театры, финансируемые за счет государственного бюджета, относятся к разряду учреждений. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что мы допустили ошибку, когда ориентировались на метод финансирования, ибо названный признак не обладает необходимой устойчивостью и меняется даже в пределах организаций одного и того же вида. Кроме того, не лишне вспомнить, что в первые годы после победы Октябрьской революции хозрасчет вообще не применялся и все госорганы финансировались за счет государственного бюджета. Поэтому если бы решающее значение для характеристики каждой данной организации как предприятия или учреждения имел метод финансирования, пришлось бы признать, что в первые годы после победы революции у нас вообще не было государственных предприятий. Вывод явно абсурдный. Следовательно, нужно руководствоваться не методом финансирования, а характером деятельности, и считать с этой точки зрения театр учреждением, а не предприятием.

Систематическое толкование опирается на тот факт, что всякая норма права занимает определенное место в общей системе советского законодательства и что поэтому при ее изучении нужно учитывать соотношение, в котором она находится с другими нормами права в их систематическом расположении. Обнаружение смысла нормы путем установления места, которое она занимает в общей системе законодательства, и называется систематическим толкованием.

Например, ст. 455 ГК гласит: «Лица, совместно причинившие вред, несут солидарную ответственность перед потерпевшим». Но в ней ничего не сказано об условиях, при которых возникает ответственность совместных причинителей, и, в частности, отвечают ли они только за виновное или также за невиновное причинение ущерба. Если ст. 455 ГК рассматривать обособленно, на поставленный вопрос вообще нельзя было бы ответить. Учитывая, однако, что ст. 455 помещена в гл. 40 ГК, именуемой «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда», и что она рассчитана на частный случай – совместное причинение, для установления общих условий ответственности нужно обратиться к соответствующим другим нормам той же главы – к ст. ст. 444 и 454. Тогда станет ясным, что совместные причинители отвечают только за вину, а при причинении вреда источником повышенной опасности – также и независимо от вины.

Историческое толкование исходит из того, что издание любого нормативного акта вызывается определенными причинами и служит достижению определенных целей, без ясного представления о которых иногда смысл правовой нормы понять невозможно. Историческим и называют такое толкование, когда смысл нормы устанавливается изучением причин и целей, ввиду которых она издана. Необходимо при этом предотвратить ошибку, которая нередко допускается в характеристике исторического толкования. Иногда говорят, что под историческим толкованием понимается изучение истории издания данного нормативного акта. Но ведь сам по себе, факт изучения закона в историческом разрезе отнюдь не обязательно должен быть связан с его истолкованием, с устранением обнаруженных в нем неясностей. Между тем без постановки подобной задачи нет и не может быть толкования. Поэтому историческое толкование – это не просто изучение истории издания данного нор-

мативного акта, а такой его исторический анализ, который ставит цель устранить обнаруженные в нем неясности и выявить его подлинный смысл.

Например, ст. ст. 460–461 ГК устанавливают ответственность за причинение смерти. Но как быть, если убийство совершено по просьбе потерпевшего? Противоправно ли такое убийство и служит ли оно основанием для привлечения к ответственности? Прямого ответа на этот вопрос нет в нормах ни Гражданского, ни Уголовного кодексов. Однако путем исторического толкования закона необходимый ответ легко может быть получен. В процессе изучения истории советского законодательства об ответственности за убийство выявляются следующие факты: примечание к ст. 143 Уголовного кодекса 1922 года прямо говорило о ненаказуемости убийства, совершенного по просьбе потерпевшего; впоследствии на IV сессии ВЦИК IX созыва это примечание было из УК исключено; подобных указаний нет и в действующих уголовных кодексах. С какой целью законодатель исключил правило о ненаказуемости убийства, совершенного по просьбе потерпевшего? Это могло быть сделано только для того, чтобы признать подобное убийство наказуемым, а значит, оно должно влечь за собою ответственность также и по нормам Гражданского кодекса.

До сих пор мы рассматривали раздельное применение различных приемов толкования. Но зачастую только их совместное использование позволяет выявить подлинный смысл толкуемого закона.

Проиллюстрируем это на примере толкования ст. 454 ГК, в которой говорится: «Организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и т. п.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего». Поскольку перечень источников повышенной опасности завершается в тексте ст. 454 словами «и т. п.», его следует признать примерным, не исключаящим и иных особо опасных объектов (дикие животные и др.). Этот вывод получен в результате *грамматического* толкования. Применяв *систематическое* толкование, т. е. сопоставив ст. 454 со ст. 444 ГК, согласно которой причинитель освобождается от ответственности, если докажет свою невиновность, мы приходим к выводу, что по ст. 454, где такой оговорки нет, к ответственности привлекается и невиновный причинитель. Затем анализ сущности понятия, употребленного в ст. 454 («повышенная опасность»), свидетельствует о том, что она имеет в виду лишь определенный вид деятельности, обладающий особыми признаками. Таков результат ее *логического* толкования. Наконец, при помощи *исторического* толкования выявляются несоответствия между ней и посвященной тому же вопросу ст. 404 ГК 1922 года. В последней, например, среди владельцев источников повышенной опасности упоминались «торговцы горючими материалами». Очевидно, что отсутствие указания на них в ст. 454 нового ГК вызвано несочувственностью такого словоупотребления современному этапу развития советского общества, хотя общим понятием повышенной опасности охватывается, конечно, и деятельность, связанная с горючими материалами, взрывчатыми веществами и др.

Необходимость в истолковании закона возникает в некоторых случаях вследствие того, что обнаруживается несоответствие между его буквальным текстом и подлинным смыслом. При расхождении такого рода не ясно, к какому кругу случаев должен быть применен толкуемый закон. Поскольку задача толкования состоит в устранении этой неясности, говорят, что закон здесь толкуется по его *объему*.

Иногда смысл закона бывает уже, чем его буквальный текст. Например, согласно тексту ст. 58 ГК для признания сделки недействительной необходимо: а) чтобы лицо заключило сделку на крайне невыгодных для себя условиях и б) чтобы заключение такой сделки явилось результатом стечения тяжелых обстоятельств. Если, однако, обратиться к смыслу запрещения вступать с кем-либо в такие сделки, то нельзя не признать недостаточности

отмеченных моментов, ибо необходима и определенная активность второго контрагента – *использование* им стечения тяжелых обстоятельств у другого лица для заключения подобной сделки. Если этого не было, то даже при наличии двух признаков, указанных в ст. 58, сделку нельзя считать порочной. Выходит, что смысл ст. 58 уже ее текста. Поэтому ст. 58 следует применять соответственно ее смыслу к более узкому кругу случаев, чем позволяет ее текст. Такое толкование закона называют *ограничительным*.

Иногда, напротив, смысл закона оказывается более широким, чем его буквальный текст. Например, ст. 84 ГК устанавливает, что перемена лиц в обязательстве не влечет за собой изменения срока исковой давности. Так, если в распоряжении кредитора осталось всего только три месяца для взыскания долга и в этот момент он передал свое право другому лицу, то и его преемник сможет взыскать долг тоже лишь в пределах трехмесячного срока. Но как быть при перемене лиц не в обязательстве, а в каком-либо ином гражданском правоотношении? Например, до истечения времени, в пределах которого собственник вправе истребовать свою вещь из чужого незаконного владения, тоже осталось три месяца, и в этот момент он уступает свое право другому лицу. Повлияет ли подобный факт на продолжительность давностного срока? Нет, не повлияет, поскольку и здесь должны соблюдаться правила ст. 84 ГК, хотя, по буквальному ее тексту, она применима только к обязательствам, но по ее смыслу ст. 84 нужно применять и ко всем другим гражданским правоотношениям, т. е. к более широкому кругу случаев, чем позволяет ее текст. Такое толкование называют *распространительным* толкованием.

Однако распространительное толкование недопустимо, если закон: а) формулирует исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых он может получить применение (см., например, ст. 308 ГК, определяющую основания к бронированию жилой площади по принципу замкнутого перечня); б) устанавливает исключение из общего правила. Так, ст. 336 ГК в виде исключения допускает выселение из жилых помещений в административном порядке по основаниям, указанным в ст. ст. 337–341 ГК. Ввиду исключительности этих правил они не могут быть применены ни к каким другим случаям, кроме прямо перечисленных в законе.

Распространительное толкование применяется, если данный факт охватывается смыслом закона, но это не получило необходимого выражения в его тексте. Когда же факт, имеющий юридическое значение, не охватывается не только текстом, но и смыслом закона, т. е. когда в законе имеется пробел, применяется не распространительное толкование, а *аналогия*, которая, будучи методом восполнения пробелов закона, выступает в двух видах: в виде аналогии закона и аналогии права (см. ч. III ст. 10 Гражданского процессуального кодекса⁶⁵).

Для применения *аналогии закона* необходим ряд условий.

Во-первых, необходимо, чтобы случай, о правовом урегулировании которого идет речь, имел юридическое значение. При отсутствии этого условия нет надобности не только в аналогии, но и вообще в применении закона. Например, в отличие от ГК 1922 года действующий ГК знает лишь договор займа, уже в момент заключения которого заимодавец передает заемщику денежную сумму, но не договор о предоставлении займа в будущем, по которому юридическое значение придается самому обещанию выдать заем впоследствии. Поскольку такое обещание лишено правового характера по действующему законодательству, нельзя принуждать к его исполнению и при помощи аналогии закона.

Во-вторых, необходимо, чтобы данный случай не был прямо предусмотрен в каком-либо действующем законе. При отсутствии этого условия надобность в аналогии отпадает потому, что применению подлежит не аналогичный, а прямой закон. В связи с этим ГКК Верховного Суда РСФСР еще в 1926 году указывала в инструктивном письме № 1, что пра-

⁶⁵ В дальнейшем – ГПК.

вило об аналогии не дает суду права не применять к делу непосредственно относящихся к нему норм действующего законодательства.

В-третьих, необходимо, чтобы существовал закон, усматривающий аналогичные случаи. Поскольку этот закон применяется и к данному случаю, такой прием называется аналогией закона.

Например, ст. ст. 253–254 ГК подробно регламентируют отношения по отчуждению жилого дома с условием пожизненного содержания отчуждателя. Но в жизни могут встретиться случаи отчуждения на тех же условиях не жилого дома, а какого-либо другого ценного имущества. Эти случаи Гражданским кодексом вовсе не предусмотрены. Поскольку, однако, они отличаются от указанных в ст. ст. 253–254 только по характеру отчуждаемого объекта и сходны с последними во всем остальном, вполне обоснованно применение к ним по аналогии правил, рассчитанных на отчуждение жилого дома с условием пожизненного содержания.

Под аналогией закона понимают, таким образом, распространение на случаи, имеющие юридическое значение, но прямо не урегулированные в законе, тех правовых норм, которые предусматривают сходные случаи.

Встречаются, однако, и более существенные пробелы в законе, когда в нем отсутствует не только прямая, но и аналогичная норма. Такие пробелы восполняются при помощи *аналогии права*. Применяя ее, суд уже не может сослаться на конкретный закон и решает дело, руководствуясь общими началами и смыслом советского законодательства. При этом, как указывалось в том же инструктивном письме ГКК Верховного Суда РСФСР № 1 за 1926 год, когда возникает необходимость разрешить спорный вопрос «на основании общих начал советского законодательства... суд должен, не ограничиваясь только ссылкой на эти основания, подробно изложить в решении, на каких именно общих началах законодательства... он основывает свое решение, так как без этого подробного изложения решение остается голословным, т. е. необоснованным, при полной невозможности проверить правильность таких общих ссылок».

В прошлом ввиду неполноты гражданского законодательства применение аналогии права в судебной практике встречалось. Яркой иллюстрацией может служить дело Марцинюка, разрешенное Верховным Судом СССР в 1940 году, Марцинюк потерпел увечье, спасая по собственной инициативе от огня государственное имущество, расположенное на одной из железнодорожных станций на пути следования поезда, в котором ехал Марцинюк. Потерпевший требовал возмещения имущественного ущерба, вызванного причинением ему увечья. Нижестоящие судебные инстанции иск Марцинюка отклонили на том основании, что закон предусматривал тогда ответственность за причинение вреда другому, но не знал случаев ответственности за вред, который потерпевший сам понес, совершая определенные действия. Точнее говоря, ранее действовавший закон регулировал обязательства, возникающие из причинения вреда, а не из факта спасения социалистического имущества. Но именно поэтому нужно было не отклонять иск, а разрешить дело по аналогии. Так и поступил Верховный Суд, указав в определении по делу Марцинюка, что хотя Гражданский кодекс не предусматривал «прямо ответственности в таких случаях предприятия, однако отказ в иске Марцинюку по этому формальному основанию является неправильным. Марцинюк действовал в данном случае не в личных интересах, а в интересах охраны государственной социалистической собственности, обязанность беречь и укреплять которую составляет долг каждого гражданина согласно ст. 131 Конституции СССР. Поэтому суд должен был, руководствуясь ст. 4 Гражданского процессуального кодекса⁶⁶, возложить на желез-

⁶⁶ Имеется в виду ст. 4 ГПК 1923 года, в которой содержалось правило об аналогии.

ную дорогу, в целях охраны имущества которой действовал Марцинюк, обязанность возместить Марцинюку понесенный им личный имущественный вред».

В современных условиях разрешение такого дела не потребовало бы использования аналогии, так как ст. 472 ГК прямо предусматривает обязательства, возникающие вследствие спасения социалистического имущества.

Сохранение института аналогии в гражданском праве в отличие от права уголовного, в котором этот институт упразднен, обусловлено легко объяснимыми причинами. Как известно, уголовное право имеет дело только с аномальными явлениями, противоправными, преступными деяниями и применением наказания к лицам, их совершившим. Но наказание целесообразно, если оно применяется в случае совершения деяний, прямо запрещенных законом. Вот почему действующее советское уголовное законодательство отказалось от института аналогии и для дальнейшего укрепления социалистической законности зафиксировало принцип, согласно которому поведение, не квалифицированное как преступное самим законом, лишено уголовно-правового значения и не может служить основанием для применения наказания. Напротив, гражданское законодательство регулирует в первую очередь нормальную, дозволенную и полезную деятельность граждан и организаций. А такую деятельность нельзя ограничивать строгими рамками закона, так как это отрицательно сказалось бы на развертывании собственной инициативы участников социалистического гражданского оборота и вообще на успешном развитии социалистических общественных отношений. Поэтому в области гражданского права обойтись без института аналогии невозможно.

Нужно, однако, иметь в виду, что в сфере права собственности, права на открытие, а также изобретательского, семейного и наследственного права о ее применении не может быть речи, ибо перечисленные разделы советского гражданского права не допускают установления правоотношений, прямо ими не предусмотренных. Отношения, не урегулированные законом, иногда возникают лишь в области обязательственного права, поскольку этот раздел Гражданского кодекса не строится по принципу исчерпывающего перечня, а потому и не исключает возможности возникновения правоотношений, в нем не указанных. Здесь именно и может возникнуть потребность в использовании аналогии права. Но даже и в этих случаях в распоряжении суда имеются общие нормы обязательственного права (ст. ст. 158–236 ГК), рассчитанные на любые обязательства, в том числе и такие, которые сконструированы не в законе, а по собственной инициативе сторон. И только при исключительных обстоятельствах для разрешения некоторых вопросов, но не для урегулирования обязательства в целом, суд может быть поставлен в таких случаях перед необходимостью прибегнуть к аналогии права.

§ 3. Действие гражданско-правовых норм

Действие гражданско-правовых норм во времени. Чтобы составить полное представление о действии гражданско-правовых норм, необходимо рассмотреть его в трех основных направлениях: в отношении времени, пространства и круга лиц, к которым гражданско-правовые нормы применяются.

Действие гражданско-правовых норм *во времени* начинается с момента их вступления в силу и длится вплоть до момента, когда они лишаются правовой силы в порядке, установленном в законе.

19 июня 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов

и постановлений Президиума Верховного Совета СССР»⁶⁷, который установил, что перечисленные в нем акты подлежат опубликованию в «Ведомостях Верховного Совета СССР» не позднее семидневного срока после их принятия, а важнейшие из них, требующие немедленного обнародования, публикуются в газете «Известия» и, если это необходимо, передаются по радио или телеграфу. И только акты, не имеющие общего значения (например, представляющие интерес лишь для данного ведомства) или не носящие нормативного характера (т. е. содержащие не общие правила, а конкретные предписания), могут быть по решению Президиума Верховного Совета не опубликованы, а рассылаются заинтересованным ведомствам и лицам. Момент вступления в силу всех указанных актов может быть определен в них самих. В остальных случаях в силу вступают: а) непубликуемые акты – с момента получения их заинтересованным ведомством; б) публикуемые ненормативные акты – с момента их принятия;

в) прочие публикуемые акты – по истечении 10 дней после их опубликования в «Ведомостях» или в «Известиях».

Порядок опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР определен постановлением Совета Министров СССР от 20 марта 1959 г.⁶⁸ и воспринят для опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений правительств союзных республик (см., например, постановление Совета Министров РСФСР от 30 апреля 1959 г.)⁶⁹. Постановления правительства, имеющие общее значение или носящие нормативный характер, публикуются в Собрании постановлений правительства. (а в необходимых случаях объявляются в газетах и передаются по радио или телеграфу). В них должен быть указан срок вступления их в силу. При отсутствии такого указания они вступают в силу с момента их принятия. С того же момента вступают в силу распоряжения Правительства, которые вообще опубликованию не подлежат.

Чаще всего гражданские законы вводятся в действие путем их опубликования, производимого указанными выше способами. Бывают, однако, и такие случаи, когда их вступление в силу отсрочивается на определенный период.

Опыт нормотворческой деятельности Советского государства в области гражданского права свидетельствует о том, что это обычно происходит вследствие причин троякого рода.

Во-первых, сложный по содержанию и большой по объему нормативный акт требует отсрочки его введения в силу потому, что нужно предоставить возможность должностным лицам и населению ознакомиться с его содержанием, прежде чем он начнет действовать. По этим причинам, например, Устав железных дорог, утвержденный Советом Министров СССР 6 апреля 1964 г., был введен в действие с 1 октября 1964 г.

Во-вторых, усвоение содержания нормативного акта может и не вызывать каких-либо затруднений, но его вступление в силу все же отсрочивается, если для реализации данного нормативного акта необходимо провести определенные подготовительные мероприятия, осуществимые лишь после его опубликования. Так, например, находящиеся ныне в обращении денежные знаки введены постановлением Совета Министров СССР от 4 мая 1960 г.⁷⁰, но старые денежные знаки утратили силу лишь с 1 января 1961 г. Сделано это было для того, чтобы дать возможность населению обменять на новые или реализовать старые деньги прежде, чем они утратят силу.

В-третьих, если вводимое нормативным актом новшество касается дядщихся правоотношений, иногда бывает целесообразно отсрочить его вступление в силу до момента,

⁶⁷ «Ведомости Верховного. Совета СССР» 1958 г. № 14 ст. 275.

⁶⁸ СП СССР 1959 г. № 6, ст. 37.

⁶⁹ СП РСФСР 1959 г. № 4, ст. 35.

⁷⁰ СП СССР 1960 г. № 10, ст. 69.

когда ранее установленные правоотношения полностью себя исчерпают. Например, в мае 1954 года размер пени, взыскиваемой за каждый день просрочки в оплате исполнения договора, был снижен с 0,05 до 0,01 % от просроченной суммы (ныне он составляет 0,03 %). Но хозяйственные договоры между социалистическими организациями обычно заключаются на один год и действуют до 31 декабря текущего года включительно. В связи с этим новый размер пени, хотя он и установлен в мае 1954 года, был введен в действие с 1 января 1955 года.

Точное определение момента вступления в действие нормативного акта имеет большое практическое значение вследствие того, что, по общему правилу, вновь принимаемые акты лишены обратной силы, т. е. они не могут применяться к ранее возникшим правоотношениям и распространяются лишь на правоотношения, установленные после того, как они начали действовать. Поэтому, прежде чем применить данный нормативный акт, необходимо установить, когда он вступил в силу и распространяется ли он по времени своего действия на данное правоотношение.

Однако некоторым законам придается обратная сила, т. е. их действие распространяется на ранее возникшие правоотношения. Обратная сила придана, в частности, определенным нормам Основ и ГК, что обусловлено рядом вполне оправданных соображений. Тем самым нормы такого рода применяются, поскольку речь идет об Основах, к правоотношениям, возникшим до 1 мая 1962 г., и поскольку дело касается ГК (за исключением тех его статей, которые воспроизводят правила Основ), – к правоотношениям, возникшим до 1 октября 1964 г. При этом имеются в виду следующие нормы Основ и ГК (см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1962 г. и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1964 г.).

Во-первых, существуют длящиеся гражданские правоотношения (договорные и иные), которые, возникнув в определенный момент, время от времени порождают для своих участников новые права и обязанности. Если такие права и обязанности возникли во время действия Основ или ГК 1964 года, к ним применяются соответственно нормы Основ или ГК 1964 года независимо от времени установления породившего их правоотношения. Здесь по сути дела наблюдается не обратная сила новых законов, а подчинение им ранее возникших гражданских правоотношений в пределах, в каких последние обновились в период действия новых законов.

Во-вторых, многие нормы Основ и нового ГК расширяют права граждан и организаций, либо вводят для них более льготный режим, либо обеспечивают повышенную охрану общественных интересов. Придание таким нормам обратной силы произведено в интересах субъектов гражданского права или в интересах всего общества. По этим причинам обратную силу приобрели нормы о последствиях явки лица, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим, о последствиях недействительности сделок, о повышенной охране права собственности кооперативно-колхозных организаций, об укреплении жилищных прав граждан и др.

В-третьих, некоторые из возникших до принятия нового ГК правоотношений либо вовсе не предусматривались законом (например, договоры пожизненного содержания, безвозмездного пользования имуществом и др.), либо если и предусматривались, то лишь в отдельных специальных нормативных актах (например, хранение, конкурс и т. п.). Применение к таким отношениям с обратной силой правил нового ГК лишь улучшает положение, так как обеспечивает в прошлом отсутствовавшее или восполняет страдавшее существенными пробелами правовое регулирование этих отношений. По тем же причинам обратная сила придана чисто процедурным правилам ГК (например, правилам о порядке отчуждения гражданином принадлежащего ему второго дома) или тем, которые в ранее существовавший

порядок вносят необходимую четкость (например, нормам о разделе имущества колхозного двора).

Нужно также учитывать, что обратная сила всегда придается нормам, определяющим объем гражданской правоспособности, так как можно иметь лишь такие гражданские права и обязанности, обладание которыми позволяет действующий, а не когда-то существовавший закон. Но если применение такого общего правила существенно ущемило бы интересы граждан, целесообразно пойти даже на то, чтобы не придавать обратной силы и этим нормам. Ввиду изложенных соображений, например, специально оговорено, что нормы ГК о предельном размере жилых домов граждан не распространяются на дома, приобретенные или возведенные в то время, когда таких норм не было.

Наряду с моментом вступления закона в действие важно определить также момент утраты им юридической силы. В связи с этим следует различать срочные и бессрочные нормативные акты. Срочные акты, т. е. такие, в которых указывается срок их действия, теряют силу с наступлением этого срока. Например, в связи с тем, что Основы упразднили норму, разрешавшую гражданам в определенных случаях владеть на праве собственности более чем одним жилым домом, и поручили республиканскому законодательству определить порядок отчуждения второго дома, этот порядок впредь до принятия нового ГК был установлен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1962 г.⁷¹ Но так как те же вопросы решены теперь в ГК 1964 года, то одновременно с его вступлением в действие утратил силу Указ от 26 июня 1962 г. Бессрочные акты, а также такие, в которых срок их действия не определен, утрачивают силу либо вследствие прямой их отмены (см., например, постановление Совета Министров РСФСР от 18 ноября 1964 г. «Об изменении и признании утратившими силу решений Правительства РСФСР в связи с введением в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов РСФСР»⁷²), либо ввиду их противоречия позднее изданному акту (как утратили, например, силу сразу же после введения в действие ГК противоречившие ему нормативные акты независимо от последующего их включения или невключения в специальный перечень отмененных актов).

Юридическим последствием прекращения действия закона оказывается его неприменимость к вновь возникающим правоотношениям. Если же спорное правоотношение возникло ранее, то хотя бы суд и рассматривал связанное с ним дело после прекращения действия данного закона, он обязан применить старый закон, за исключением случаев, когда заменяющему его нормативному акту придается обратная сила.

Действие гражданско-правовых норм в пространстве. Закон действует не только во времени, но и в определенном пространстве, т. е. на определенной *территории*. Территория действия гражданско-правовых норм определяется в зависимости от того, каким органом данный акт издан. Нормативный акт действует на всей территории СССР, если он издан общесоюзным органом, а на территории союзной республики, если он издан республиканским органом, и т. д. Однако орган, установивший правовую норму, может ограничить территорию ее действия. Таковы, например, акты, вводящие льготы по кооперативному жилищному строительству в районах Крайнего Севера, и др.

Федеративный принцип государственного устройства СССР, а также основные начала, на которых строится административно-территориальное деление Советского государства, приводят к тому, что в каждой данной местности действуют акты, изданные общесоюзными, республиканскими и местными органами власти. Иногда эти акты противоречат друг другу, и тогда говорят об их коллизии (столкновении) в пространстве. Один из случаев такой коллизии – расхождение между общесоюзным и республиканским законом – разрешен

⁷¹ «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 25, ст. 379.

⁷² СП РСФСР 1964 г. № 20, ст. 142.

в ст. 20 Конституции СССР, установившей, что при этих условиях действует общесоюзный закон. Исходя из принципа демократического централизма, свойственного советскому государственному строю, следует признать, что ст. 20 Конституции СССР должна толковаться распространительно. Это означает, что при обнаружении расхождения между двумя нормативными актами, действующими на данной территории, юридическую силу сохраняет акт, изданный вышестоящим государственным органом.

Пространственная коллизия законов разрешается сравнительно легко, если встречаются противоречия между актами, изданными равнозначными органами. Но как следует поступать в случае коллизии между актами, исходящими от равнозначимых органов? Предположим, что гражданское правоотношение возникло на территории одной союзной республики, а связанный с ним судебный спор рассматривается на территории другой союзной республики. Предположим, далее, что законы этих республик по-разному регламентируют спорное правоотношение. Такие факты иногда встречаются из-за некоторых расхождений между текстами гражданских кодексов различных союзных республик. В связи с этим существенное значение приобретают указания, содержащиеся в ст. 18 Основ (которой соответствует ст. 8 ГК) о применении гражданского законодательства одной союзной республики в другой союзной республике. Содержание правил ст. 8 сводится к следующему:

а) к отношениям, вытекающим из права собственности, применяется закон места нахождения имущества. Поэтому, если, например, спор по поводу имущества, находящегося на территории УССР, рассматривается в РСФСР, суд Российской Федерации обязан при его разрешении применить украинский закон;

б) при совершении сделки правоспособность и дееспособность определяются по закону места ее совершения. Отсюда следует, что, когда, например, сделка была совершена в Армении, а в суде Грузии возбуждается спор о правоспособности субъектов сделки к участию в ней, в основу судебного решения должен быть положен закон Армянской ССР;

в) форма сделок устанавливается в соответствии с законом места их совершения. То же правило, но уже как диспозитивное, распространяется на содержание сделок, т. е. на характер возникающих из них прав и обязанностей. Поэтому стороны могут, например, заключить в Казахстане сделку, подлежащую исполнению в Киргизии, обусловив подчинение ее содержания закону Киргизской ССР;

г) обязательства из причинения вреда нормируются законом места рассмотрения спора, но по ходатайству потерпевшего суд обязан применить закон места причинения вреда. Так, суд УССР будет разрешать такой спор по законам Украины, хотя бы вред был причинен в Белоруссии, но по требованию потерпевшего он должен применить белорусский закон;

д) отношения по наследованию регулируются законом места открытия наследства, т. е. места последнего постоянного жительства наследодателя. Если, например, наследственное имущество находится на Украине, наследодатель умер в Молдавии, но постоянно проживал в РСФСР, спор о наследстве нужно рассматривать по законодательству РСФСР;

е) вопросы исковой давности решаются на основе того же законодательства, которым вообще регулируется данное отношение. Выяснив, например, на основе изложенных правил, что соответствующее отношение подчинено законодательству Эстонии, по ее же закону нужно определять для этого отношения и сроки исковой давности.

Действие гражданско-правовых норм по кругу лиц. Гражданский закон, действующий на данной территории, применяется в равной мере и в одинаковом объеме ко всем лицам, которые на ней пребывают. Это называется *общим действием* гражданских законов. Но существуют и такие гражданско-правовые нормы, которые применяются не ко всем, а лишь к определенной группе лиц. Тогда говорят об их *специальном действии*. Поскольку субъекты гражданского права – не только граждане, но и социалистические организации, выполняющие строго определенные задачи, возложенные на них государством, вполне есте-

ственно, что к ним нередко предъявляются иные требования, нежели те, которые обращены к гражданам. Это обстоятельство служит главной причиной, в силу которой действие многих гражданских законов ограничивается определенным кругом лиц: либо только гражданами, либо только социалистическими организациями.

Очевидно, например, что нормативные акты, касающиеся производственно-хозяйственной деятельности, могут быть рассчитаны лишь на социалистические организации, как и, с другой стороны, столь же очевидно, что законодательство, относящееся к учреждению опеки и попечительства, имеет в виду в качестве подопечных только граждан, но не социалистические организации. Помимо этого, ряд норм распространяется на определенную группу граждан (например, нормы о жилищных льготах, предоставленных военно-служащим) или на определенную группу социалистических организаций (например, нормы, определяющие имущественные права государственных предприятий).

Круг лиц, на которых распространяется действие гражданско-правовой нормы, выявляется сравнительно легко, так как либо прямые указания, содержащиеся в самом нормативном акте, либо его действительный смысл обычно не оставляют на этот счет никаких сомнений. Но если бы такие сомнения и возникли в отдельных исключительных случаях, при их устранении нужно исходить из того, что основной формой действия гражданско-правовых норм является их общее действие. Ограничение их применения строго определенным кругом лиц допустимо только по прямому указанию закона или если по своему содержанию закон не может получить общего действия.

Глава 2 Гражданское правоотношение

§ 1. Понятие и содержание гражданского правоотношения

Определение гражданского правоотношения и характеристика его содержания. Гражданско-правовые нормативные акты, с общей характеристикой которых мы уже познакомились в предшествующей главе, выражают советское гражданское право в том виде, в каком оно формулировано в правовых нормах, установленных или санкционированных государством.

Нормы гражданского права, как и любые другие правовые нормы, устанавливаются для того, чтобы определенным образом урегулировать отношения людей как членов социалистического общества. В результате урегулирования со стороны гражданско-правовых норм социалистических общественных отношений они приобретают вид гражданских правоотношений. Гражданские правоотношения – это та форма, благодаря и посредством которой нормы гражданского права получают реальное осуществление, реализуются в действительной жизни советского общества. Поэтому всестороннее познание советского гражданского права не может ограничиться одним лишь изучением гражданско-правовых нормативных актов. Учение о нормах гражданского права должно быть обязательно дополнено учением о гражданских правоотношениях.

Гражданское правоотношение – один из видов правоотношений. Правоотношение вообще есть общественное отношение, урегулированное нормами права. Сообразно с этим *гражданское правоотношение* может быть определено как *общественное отношение, урегулированное нормами гражданского права*, или, иначе говоря, как *отношение, участники которого выступают в качестве носителей гражданских прав и обязанностей*.

Гражданское правоотношение характеризуется специфической формой и содержанием.

Специфика формы гражданского правоотношения проявляется в том, что оно представляет собой отношение *особого структурного типа*, и как только изменяется его структура, так данное правоотношение перестает быть гражданским правоотношением и переклассифицируется в соответствующую другую отрасль советского права. Особый структурный тип гражданского правоотношения выражается в правовом положении его субъектов, в том, что отношения между этими субъектами строятся на началах равенства. Если начало равенства из правоотношения устраняется, его структурный тип претерпевает коренные изменения, и оно утрачивает свою гражданско-правовую природу. Когда, например, одно государственное предприятие реализует свою продукцию за деньги в отношениях с другим государственным предприятием, они находятся в равном юридическом положении и, следовательно, состоят в гражданских правоотношениях. Но если плано-регулирующий орган производит в соответствии со своими полномочиями изъятие части оборотных средств у подчиненного ему государственного предприятия, в действие вступают элементы власти и подчинения, и потому такие отношения включаются в область не гражданского, а административного права.

Так обстоит дело с формой гражданского правоотношения. Перейдем теперь к характеристике его содержания.

У гражданского правоотношения имеется прежде всего определенное *материальное содержание*. Характеризуя юридическое (договорное) отношение, оформляющее обмен товаров, К. Маркс указывал, что содержание этого отношения «дано самим экономическим отношением»⁷³. Следовательно, экономическое отношение, лежащее в основе договора, должно рассматриваться в качестве его материального содержания. Но дело в том, что в гражданско-правовой форме не всегда выражаются экономические отношения, ибо гражданское право регулирует также и личные неимущественные отношения, которые лишь в конечном счете определяются экономическими условиями жизни социалистического общества, но сами экономическими отношениями не являются. При определении материального содержания гражданских правоотношений этого обстоятельства нельзя не учитывать. *Материальное содержание гражданского правоотношения составляет то общественное отношение, которое лежит в его основе и на юридическое закрепление которого оно направлено.* Это – социалистические имущественные и личные неимущественные отношения.

Наряду с материальным гражданское правоотношение как явление идеологического порядка обладает и своим особым относительно самостоятельным *волевым содержанием*. Волевое содержание потому *относительно* самостоятельно, что оно в конечном счете определяется материальным содержанием правоотношения. Однако это содержание все же в известной мере (относительно) *самостоятельно*, ибо оно не сводится к простому копированию материального содержания, но отражает последнее в преломленном через сознание, т. е. в осознанном виде. Проводя различие между материальными и идеологическими отношениями, В. И. Ленин усматривал особенность идеологических отношений в том, что они «прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей»⁷⁴. Следовательно, идеологические отношения создаются людьми сознательно, они устанавливаются по воле людей. Это в полной мере относится и к правовым, в том числе к гражданско-правовым отношениям.

Гражданское правоотношение устанавливается в результате юридического урегулирования существующих общественных отношений, которое производится при помощи норм советского гражданского права. Эти нормы создаются по воле государства. В них получает

⁷³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 91.

⁷⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

свое отражение и закрепление государственная воля. Без воли Советского государства, выраженной и закреплённой в гражданско-правовых нормах, не могли бы возникнуть и социалистические гражданские правоотношения. *Волевое содержание гражданского правоотношения составляет воля Советского государства, выраженная в гражданско-правовых нормах и преломленная в самом правоотношении.* В этом смысле гражданское правоотношение может быть охарактеризовано как волевое отношение.

Наконец, гражданское правоотношение как правовое явление обладает и своим *юридическим содержанием*, которое составляют выраженные в них общие правила поведения. Когда же на основе норм советского гражданского права устанавливаются гражданские правоотношения, общие правила поведения, закреплённые в этих нормах, превращаются в конкретные правила поведения участников данного правоотношения. Такие конкретные правила поведения, которым должны следовать субъекты правоотношения, вытекают из предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. *Юридическое содержание гражданского правоотношения образуют гражданские права и обязанности его субъектов.* Поэтому гражданское правоотношение иногда определяется как такое общественное отношение, участники которого выступают в качестве носителей гражданских прав и обязанностей.

По поводу содержания правоотношений вообще, в том числе гражданских правоотношений, в литературе была высказана и иная точка зрения. По мнению некоторых авторов, правоотношение становится волевым не только потому, что его возникновение зависит от воли государства, выраженной в правовых нормах (объективная воля), но и потому, что оно всегда устанавливается по воле самих участников правоотношений (субъективная воля). «Юридическое отношение (правоотношение), – говорилось в учебнике по теории государства и права 1940 года, – есть волевое отношение, в которое люди вступают по своей воле и в котором они проявляют свою волю...»⁷⁵ Того же взгляда придерживаются и некоторые другие авторы, например, Ю. К. Толстой, утверждающий, что всякое правоотношение воплощает взаимодействие социальной (государственной) воли и индивидуальной воли его участников⁷⁶.

Но это утверждение едва ли можно признать правильным. Оно во всяком случае не подтверждается порядком установления некоторых гражданских правоотношений, возникающих иногда помимо воли одного или даже обоих его субъектов. Например, вследствие причинения вреда одним лицом другому возникает гражданское правоотношение по возмещению причиненного вреда. Ясно, что такое правоотношение возникает помимо воли потерпевшего, а иногда и помимо воли причинителя, в частности, если вред был причинен им случайно. Поэтому гражданское правоотношение следует рассматривать как волевое отношение не с точки зрения субъективной воли его участников (она может и отсутствовать как при установлении, так и при прекращении правоотношения), а с точки зрения объективной воли, воли государства, выраженной и закреплённой в гражданско-правовых нормах.

Не менее спорен также вопрос о юридическом содержании правоотношения.

Еще в 1940 году М. М. Агарков высказал мнение, что содержание гражданского правоотношения составляют не права и обязанности, а самое поведение участников правоотношения⁷⁷. Та же мысль была проведена и в учебнике по гражданскому праву для юридических вузов 1944 года издания⁷⁸. В более поздних работах содержанием правоотношения иногда

⁷⁵ С. А. Голунский и М. С. Строгович, Теория государства и права, Юриздат, 1940, стр. 273.

⁷⁶ Ю. К. Толстой, К теории правоотношения, изд-во ЛГУ, 1959, стр. 27.

⁷⁷ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, Юриздат, 1940, стр. 22, 23.

⁷⁸ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, под ред. М. Агаркова и Д. Генкина, т. 1, Юриздат, 1944, стр. 71.

объявляются как права и обязанности, так и поведение, которое ими обеспечивается⁷⁹, хотя, казалось бы, такое сочетание исключено уже просто потому, что поведение мыслимо лишь как нечто наличное, а в правах и обязанностях отражается только возможное и должное поведение. В поисках выхода из такого противоречия С. С. Алексеев пришел к выводу, что права и обязанности – юридическое содержание, всегда имеющееся у правоотношения, а возможное и должное поведение – материальное содержание, которое отсутствует в правоотношении на определенной стадии его развития⁸⁰. Но тем самым проводится едва ли приемлемое положение о существовании материально бессодержательных правоотношений. Вместе с тем, начиная с 1950 года, все более широкое распространение получает взгляд, согласно которому «субъективные правомочия и правовые обязанности составляют содержание правоотношения»⁸¹.

С этим взглядом нельзя не согласиться. Если бы мы признали, что содержание правоотношения составляет поведение его участников, мы вынуждены были бы вместе с тем признать, что правоотношение в течение известного времени может существовать и без содержания. Предположим, что стороны, заключив договор купли-продажи жилого строения, условились об его исполнении через три месяца после заключения договора. Правоотношение уже возникло и существует, но вытекающие из него действия участники правоотношения, продавец и покупатель, совершат лишь в будущем. Как же быть с содержанием этого правоотношения? В течение трех месяцев оно будет лишено содержания, если таковым считать действия продавца по передаче дома и действия покупателя по его оплате. Но существование формы без содержания невозможно. В. И. Ленин учит, что формы должны быть содержательными, они должны быть «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»⁸².

Для правоотношения таким содержанием, неразрывно связанным с его формой, служит не поведение участников правоотношения, а их права и обязанности. Права и обязанности возникают одновременно с возникновением правоотношения и вместе с ним прекращаются. Изменение характера прав и обязанностей означает вместе с тем и изменение самого правоотношения. Правоотношения отличаются друг от друга также в зависимости от характера заключенных в них прав и обязанностей. Специфика правового отношения по сравнению с другими общественными отношениями в том именно и состоит, что его субъекты выступают как носители прав и обязанностей.

Из всего этого следует, что значение юридического содержания гражданского правоотношения имеет не поведение участников правоотношения, а заключенные в нем гражданские права и обязанности.

Что же представляют собою гражданские права и обязанности, образующие юридическое содержание гражданского правоотношения? В чем их существо?

Гражданское право, входящее в содержание гражданского правоотношения, обычно именуется в литературе *правомочием* или *субъективным гражданским правом*. Смысл введения в научное употребление этих терминов состоит в том, что слово «право» применяется в различных значениях. Говоря «право», мы имеем в виду в одних случаях совокупность действующих юридических норм, а в других – право, принадлежащее данному лицу как субъекту определенного правоотношения. Во избежание смешения различных понятий, выражаемых одним и тем же термином, право как совокупность норм принято именовать правом

⁷⁹ Ю. К. Толстой, К теории правоотношения, стр. 25.

⁸⁰ С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. II, Свердловск, 1964, стр. 103–106.

⁸¹ «Советское гражданское право», учебник для юридических вузов, под ред. Д. М. Генкина, Госюриздат, 1950, стр. 101. См. также «Советское гражданское право», учебник для юридических школ, под ред. С. Н. Братуся, Госюриздат, 1950, стр. 49.

⁸² В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1933, стр. 93.

в объективном смысле (объективное право), а право, принадлежащее отдельному лицу, – правомочием или правом в субъективном смысле (субъективное право). В то же время самое выражение «субъективное право» также не должно порождать недоразумений. Субъективное право существует реально, а не только в сознании индивида. В этом смысле оно вполне объективно. Субъективным же его называют потому, что имеется в виду не норма, а право, принадлежащее данному лицу, данному субъекту.

Между объективным и субъективным правом существует тесная связь. У лица могут быть лишь такие субъективные права, которые вытекают из норм объективного права. Следовательно, самое существование того или иного субъективного права зависит от характера и содержания права объективного. Но, с другой стороны, нормы объективного права реализуются в действительной жизни нашего общества благодаря тому, что на их основе возникают определенные субъективные права. Этим определяется значение субъективных прав для норм объективного права.

Гражданско-правовые нормы регулируют общественные отношения, которые принимают вид гражданских правоотношений. Они определяют поэтому содержание и субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей. Однако в состав правоотношения входят не нормы гражданского права, а субъективные права и обязанности. Они и должны быть нами рассмотрены.

Итак, что следует понимать под субъективным гражданским правом и гражданско-правовой обязанностью? Субъективное право возникает на основе устанавливаемых государством юридических норм и потому неизбежно порождает определенное отношение между его носителем и государством. Суть этого отношения состоит в том, что государство позволяет управомоченному совершение указанных в законе действий, закрепляя такое дозволение предоставлением ему соответствующих правомочий. С этой точки зрения субъективное право представляет собою не что иное, как меру дозволенного поведения. Однако правомочие (субъективное право) связывает его носителя не только с государством, но и с обязанным лицом, от которого управомоченный может требовать определенного поведения. Следовательно, субъективное право включает в себя две возможности: возможность совершения определенных действий самим управомоченным и возможность требовать совершения определенных действий от обязанного лица. Обе эти возможности обеспечиваются законом и служат удовлетворению интересов управомоченного, признанных законом. Изложенное дает основание прийти к выводу, что *субъективное гражданское право есть обеспеченная гражданским законом мера дозволенного управомоченному поведения и возможность требовать определенного поведения от обязанного лица в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного.*

Обязанность также воплощает в себе связь ее носителя с государством и с другим участником правоотношения – с управомоченным. Но по своему содержанию обязанность прямо противоположна субъективному праву. Если субъективное право есть мера дозволенного государством поведения, то обязанность есть установленная государством мера должного поведения; если субъективное право предоставляет возможность требовать определенного поведения от обязанного лица, то обязанность предполагает выполнение такого требования ее носителем. Противоположность между содержанием правомочия и обязанности не препятствует, однако, тому, что они служат одной и той же цели – цели удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного. Ведь они и обеспечивают достижение этой цели со стороны различных полюсов правоотношения: субъективное право – со стороны управомоченного, а обязанность – со стороны обязанного лица. Поэтому единство цели отнюдь не исключает противоположности между их содержанием. Изложенное дает основание прийти к выводу, что *гражданско-правовая обязанность есть обеспеченная гражданским законом мера должного поведения, которой обязанное лицо следует в соот-*

ветствии с требованиями и в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного.

Определение понятия обязанности во многом зависит от того, как определено понятие субъективного права. Поэтому для того, чтобы составить представление о характере споров, которые по данному вопросу ведутся в литературе, достаточно познакомиться со взглядами различных авторов на природу субъективных прав.

С. Н. Братусь основное содержание субъективных прав усматривает не в том, что управомоченный может требовать от обязанного лица, а в том, что дозволено самому управомоченному. Поэтому он и определяет субъективное право как меру возможного или дозволенного поведения⁸³. В отличие от этого мы в свое время переносили в анализе субъективного права центр тяжести на то поведение обязанного лица, которого от него может требовать управомоченный. Поэтому мы определяли субъективное право как средство обеспечения определенного поведения обязанных лиц⁸⁴.

Следует, однако, признать, что эти точки зрения страдают известной односторонностью и не выражают в полной мере общего содержания всех субъективных гражданских прав. Например, в праве собственности на первый план выступают те действия, которые совершает сам собственник по использованию своего имущества, но зато в договорных отношениях гораздо большее значение приобретают действия должника, которые он обязан совершить в пользу кредитора. Поэтому, чтобы охватить общим определением все разнообразные субъективные гражданские права, необходимо включить в него указание на обе отмеченные возможности – как на дозволенность собственных действий управомоченного, так и на возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. При этом не следует думать, как полагает Ю. К. Толстой⁸⁵, что возможность требовать определенного поведения от обязанного лица обнимается общей дозволенностью собственного поведения управомоченного, ибо нельзя отождествлять действия, которые управомоченный способен сам совершить (например, пользование имуществом), с теми, которые он совершить не в состоянии без содействия обязанного лица (как немыслимо, например, получение имущества в пользование без передачи его другим лицом).

В то же время трудно согласиться с Н. Г. Александровым, который полагает, что субъективное право включает в себя не две, а три возможности: вид и меру возможного поведения его обладателя, возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц и возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата⁸⁶. Субъективное право не было бы правом, если бы его осуществление не обеспечивалось мерами государственного принуждения. Поэтому возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата существует не параллельно с другими закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы *юридическими* возможностями.

В приведенные выше определения правомочия и обязанности мы включили также указание на тот интерес управомоченного, целям охраны и удовлетворения которого они служат. Против этого, однако, возражает С. Н. Братусь, отмечая, что интерес составляет цель, а не содержание субъективного права и что поэтому его не следует включать в определение данного понятия⁸⁷. Но, во-первых, в характере защищаемого правом интереса заключается классовая природа субъективного права, а, во-вторых, если даже согласиться с тем,

⁸³ С. Н. Братусь, *Субъекты гражданского права*, Госюриздат, 1950, стр. 13.

⁸⁴ О. С. Иоффе, *Правоотношение по советскому гражданскому праву*, изд-во ЛГУ, 1949, стр. 53.

⁸⁵ Ю. К. Толстой, *цит. соч.*, стр. 43.

⁸⁶ Н. Г. Александров, *Право и законность в период развернутого строительства коммунизма*, Госюриздат, 1961, стр. 225.

⁸⁷ С. Н. Братусь, *Субъекты гражданского права*, стр. 20.

что охрана определенного интереса составляет цель права, то и в этом случае не будет препятствий к включению указания на интерес в определение субъективного права. Ведь в общем определении права мы отмечаем его цели, указывая, что оно существует для охраны отношений и порядков, угодных и выгодных господствующему классу или всему обществу. И это, конечно, правильно, ибо право создается людьми для достижения определенных целей, без выявления которых невозможно понять его содержание. Но тогда по тем же причинам указание на цель, а именно на защищаемый правом интерес, следует включить и в определение понятия субъективного права.

Классификация гражданских правоотношений. В зависимости от характера заключенных в них прав и обязанностей, проводится *классификация* гражданских правоотношений.

С основным видом этой классификации мы уже в свое время познакомились. Как указывалось в определении понятия гражданского права, оно регулирует социалистические имущественные и личные неимущественные отношения, которые в результате их юридического урегулирования приобретают вид гражданских правоотношений. Поэтому гражданские правоотношения подразделяются прежде всего на отношения *имущественного* и *личного неимущественного* характера.

подавляющую массу гражданских правоотношений составляют имущественные отношения. Гражданские права и обязанности социалистических организаций почти всегда носят имущественный характер. Имущественными в большинстве случаев являются также гражданские права, принадлежащие советским гражданам. Таковы, например, право личной собственности граждан, право на наследство, на получение имущества по договорам, на получение вознаграждения за издание литературного или научного произведения, за использование изобретения или рационализаторского предложения.

Вместе с тем некоторые гражданские права относятся к разряду личных неимущественных прав. Таковы, например, личные правомочия авторов произведений науки, литературы и искусства: право выпуска в свет произведения под своим именем, псевдонимом или анонимно, право на опубликование произведения и на его неприкосновенность (т. е. на то, чтобы в произведение не вносились какие-либо изменения без согласия автора). Такое личное право, как право авторства, принадлежит также создателям изобретений и рационализаторских предложений. Кроме того, в гражданско-правовом порядке защищаются честь и достоинство граждан и организаций и некоторые другие личные блага.

Деление гражданских правоотношений на имущественные и личные неимущественные имеет большое практическое значение.

Поскольку указанные права обладают существенно различными качествами, законодатель, нормируя и охраняя их, должен учитывать это обстоятельство. Так, в случае нарушения имущественных прав они обычно охраняются возложением на правонарушителя обязанности по возмещению имущественных убытков, причиненных управомоченному. Напротив, нарушение личных неимущественных прав обычно не связано с причинением их носителю каких-либо убытков. Если, например, издательство выплатило автору литературного произведения гонорар, но вопреки его желанию издало произведение анонимно (без указания имени создателя произведения), оно нарушило личное право автора, хотя убытков последних и не понес. Значит, тот способ защиты (возмещение убытков), который вполне оправдывает себя в применении к имущественным правам, не обеспечивает должного эффекта в случаях, когда ставится вопрос о гражданско-правовой охране личных неимущественных прав. И регламентация, и охрана личных неимущественных прав должны строиться несколько иначе, чем регламентация и охрана прав имущественных.

Помимо деления гражданских прав на имущественные и личные, они подразделяются в литературе на абсолютные и относительные, а также на вещные и обязательственные права.

Специфику *абсолютных* прав усматривают обычно в том, что им противостоит обязанность не конкретного лица, а, как принято говорить, всех третьих лиц, причем такая обязанность связана не с совершением положительных действий, а с воздержанием от совершения действий, ущемляющих абсолютные права. Из числа имущественных прав к правам абсолютным относится право собственности, а личные неимущественные права (право авторства и др.) почти всегда строятся как права абсолютные. В отличие от этого *относительные* права характеризуются тем, что им противостоит обязанность конкретного лица, которое к тому же чаще всего бывает обязано не к воздержанию от совершения тех или иных действий, а, наоборот, к совершению определенных положительных действий в пользу управомоченного. Типичный пример относительных прав – права, возникающие из гражданских договоров. Так, если между двумя субъектами заключен договор займа, то перед кредитором обязаны не все вообще третьи лица, а лишь должник по договору, причем последний обязан не к воздержанию, а к совершению положительного действия – к уплате долга.

Следует, однако, иметь в виду, что деление гражданских прав на абсолютные и относительные носит в высшей степени условный характер, на что еще в 1928 году обращал внимание В. К. Райхер⁸⁸. Можно было бы привести немало примеров таких гражданских прав, в которых сочетаются «абсолютные» и «относительные» элементы. Так, право нанимателя на использование взятого внаем имущества относительно, ибо оно возникает из договора имущественного найма, но согласно прямому указанию закона (ст. 157 ГК) это право защищается против любого и каждого, кто попытался бы завладеть находящимся у нанимателя имуществом. К тому же, как правильно отмечает В. К. Райхер, обязанность «признавать», «уважать», «не нарушать», «соблюдать» и т. д. – это «общий, родовой признак всякого правоотношения уже как общественного отношения, независимо от того, будет ли оно по своей структуре абсолютным или относительным, вещным или обязательственным»⁸⁹. И тем не менее с учетом всех этих оговорок, делающих весьма условным и подвижным деление гражданских прав на абсолютные и относительные, указанное деление имеет известное практическое значение, которое учитывает и законодатель. Как мы увидим в дальнейшем, при решении ряда конкретных вопросов (например, вопросов исковой давности) закрепленные в законе правила по-разному применяются к правам абсолютным и относительным. Вот почему такая классификация гражданских прав имеет под собой определенные разумные основания.

Иначе, на наш взгляд, должно обстоять дело с классификацией гражданских прав на вещные и обязательственные⁹⁰. Сторонники такого деления полагают, что *вещные права* – это такие абсолютные права, объектом которых служит вещь (например, право собственности), а *обязательственные права* – это права относительные, в качестве объекта которых выступает действие обязанного лица например, право кредитора по заключенному им договору или право лица, потерпевшего вред, на его возмещение). Мы не будем касаться вопроса о том, в какой мере подобная классификация гражданских прав оправдана теоретически, в какой степени; приведенные признаки действительно позволяют отграничить друг от друга права вещные и обязательственные. Но если бы даже такая классификация была теоретически безупречной, какого-либо практического значения она иметь не может.

В самом деле, число обязательственных прав, предусмотренных действующим законодательством, весьма значительно. Сюда относятся договорные права, права, возникающие из обязательств по возмещению причиненного вреда, и др. Что же касается так называе-

⁸⁸ В. К. Райхер, Абсолютные и относительные права. Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института, вып. 1, 1928.

⁸⁹ Там же, стр. 304.

⁹⁰ По этому вопросу также см. В. К. Райхер, Абсолютные и относительные права.

мых вещных прав, то они ограничиваются только правом собственности. Но тогда и в особую классификационную рубрику нужно выделять не вещные права, а право собственности с проведением разграничительной линии между ним и обязательственными правами.

Для того, однако, чтобы провести такую разграничительную линию, необходимо выявить сущность права собственности и сущность обязательственных прав, что и будет сделано в соответствующих разделах нашего курса.

§ 2. Элементы гражданского правоотношения. Задачи общей части курса советского гражданского права

Элементы гражданского правоотношения. Гражданское правоотношение состоит из определенных элементов, при отсутствии любого из которых не могло бы существовать правоотношение.

К числу их относятся прежде всего *гражданские права и обязанности*, составляющие содержание гражданского правоотношения. Поэтому без них не только немислимо существование правоотношения, но и в известной мере самое правоотношение есть не что иное, как совокупность выраженных в нем прав и обязанностей.

Далее, необходимым элементом гражданского правоотношения признаются его *субъекты*, т. е. лица, выступающие в качестве носителей гражданских прав и обязанностей. Действительно, правоотношение – это общественное отношение. Оно может быть установлено только людьми и лишь между людьми. Вполне понятно поэтому, что наличие определенных субъектов составляет обязательное условие установления правоотношения между ними.

Наконец, значение элемента гражданского правоотношения имеют и его *объекты*. Объектом каждого данного явления принято считать то, на что это явление направлено. Соответственно этому и объектом гражданского правоотношения следует считать то, на что направлено правоотношение, на что направлены гражданские права и обязанности его субъектов. Если бы гражданские права и обязанности ни на что не были направлены, т. е. не имели своего объекта, они утратили бы всякий реальный смысл. Вот почему объект также следует признать необходимым элементом гражданского правоотношения.

Мы перечислили элементы, которые включаются в гражданское правоотношение. Но для вступления этих элементов в действие необходимо, чтобы гражданское правоотношение возникло. Сам закон правоотношений не создает. Он лишь определяет условия, при наличии которых правоотношения могут возникнуть. Например, в ст. 296 ГК предусмотрен порядок предоставления жилых помещений в домах местных Советов. Но она непосредственно не порождает права на занятие жилого помещения данным лицом, и возникнуть это право может только при наступлении указанных в ст. 296 обстоятельств (принятие решения исполкомом местного Совета в установленном порядке и выдача ордера). Такого рода обстоятельства принято именовать *юридическими фактами*, или *основаниями* возникновения гражданских прав.

Одна из существенных особенностей правоотношения состоит еще и в том, что его осуществление обеспечивается мерами государственного принуждения, что оно подвергается *защите* со стороны государства. Соответствующие меры защиты обеспечивают также осуществление гражданских правоотношений, реализацию гражданских прав и исполнение гражданско-правовых обязанностей. При этом самые способы защиты, предусмотренные нормами гражданского права, обладают своей спецификой и отличаются от тех мер, которые в целях охраны признаваемых советским законом прав и интересов предусматриваются другими отраслями права.

Задачи общей части курса советского гражданского права. Как показал предшествующий анализ, гражданское правоотношение состоит из определенных *элементов*, оно воз-

никает из определенных, законом предусмотренных *оснований*, обеспечивается определенными, законом предусмотренными *способами защиты*.

Выявление указанных общих моментов, характеризующих гражданское правоотношение, имеет существенное значение потому, что фактически эти моменты определяют круг задач, стоящих перед Общей частью науки советского гражданского права. В ее специальных разделах, которые еще будут нами изучены, рассматриваются конкретные гражданские правоотношения и их нормирование в гражданско-правовом законодательстве. Что же касается Общей части, то она имеет дело с гражданским правоотношением в целом, с его изучением в *обобщенном* виде, отвлекаясь при этом от особенностей, которые характеризуют отдельные группы гражданских правоотношений.

Изучить гражданские правоотношения в обобщенном виде – это и значит познакомиться с общей характеристикой их элементов, а также оснований возникновения и способов их защиты. Отсюда – план дальнейшего изложения. Мы уже определили понятие и охарактеризовали содержание гражданских прав и обязанностей. В последующих главах Общей части нашего курса нам предстоит изучить вопросы о субъектах (гл. 3), объектах (гл. 4), основаниях возникновения (гл. 5) и способах защиты (гл. 6) гражданских правоотношений.

Глава 3

Субъекты гражданского права

§ 1. Общие положения

Гражданское правоотношение есть общественное отношение людей. Его субъектами могут быть только люди.

В буржуазной юриспруденции широкое распространение получил в свое время взгляд, согласно которому правоотношения могут устанавливаться не только между людьми, но также между людьми и вещами. С особой настойчивостью этот взгляд буржуазные юристы пытались проводить в отношении права собственности. Это и понятно. Частнокапиталистическая собственность лежит в основе эксплуатации рабочего класса. Но если бы удалось доказать, что в ней выражаются не отношения между людьми, группами людей, классами, а отношения человека к вещи, надлежало бы прийти к выводу, что и эксплуатации в условиях капитализма подвергаются не люди, трудящиеся, пролетарии, а вещи, имущество, принадлежащее на праве собственности частнокапиталистическим предпринимателям.

Марксизм решительно разоблачает какие бы то ни было попытки подмены общественных отношений людей их «вещественным» выражением. Если перед нами общественное явление, то хотя бы на первый взгляд и казалось, что оно носит чисто вещественный характер, задача марксистско-ленинской юридической науки состоит в том, чтобы проникнуть в глубь данного явления и за его внешней кажущейся оболочкой обнаружить его подлинный социальный смысл, выявить тех людей (или группы людей, классы), отношения между которыми в нем выражаются.

Когда в гражданское правоотношение вступают два гражданина, ни у кого не возникает сомнений в том, что здесь складываются отношения между людьми. Но гражданские правоотношения устанавливаются также и между социалистическими организациями – государственными предприятиями и учреждениями, кооперативно-колхозными и иными общественными организациями. Так как правовые отношения – всегда общественные, то и в этих случаях они устанавливаются между людьми. Однако здесь уже в качестве субъектов правоотношения выступают не отдельные индивиды, а их общественные образования, определенным образом организованные коллективы людей.

Субъектами советского гражданского права и являются либо *индивиды*, либо организованные *коллективы*. Индивиды иногда именуется физическими лицами. С. Н. Братусь правильно отметил неудачность этого термина, создающего впечатление, будто индивид становится субъектом права не в силу его общественных качеств, не потому, что он – представитель определенного класса или член единого социалистического общества, а в силу его естественных свойств как психофизиологической особи⁹¹. Отказался от подобной терминологии и советский закон, говорящий не о физическом лице, а просто о гражданине, хотя не следует забывать, что с возможными ограничениями, о которых упоминают ст. ст. 562–563 ГК, наравне с советскими гражданами признаются субъектами гражданского права в нашей стране иностранные граждане и лица без гражданства. Коллективные образования как субъекты гражданского права именуется юридическими лицами. По общему правилу, в этом качестве выступают соответствующие социалистические организации. Но, как сказано в ст. 2 ГК, в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, участниками гражданских правоотношений могут быть и другие организации (например, организации по проведению в СССР международных выставок или некоторые заведения религиозных культов, а также иностранные предприятия, фирмы и т. п. в случаях заключения на территории СССР внешнеторговых сделок).

С учетом приведенных оговорок субъекты советского гражданского права подразделяются на две группы: *граждан* и *юридических лиц*. Особым субъектом гражданского права является *Советское социалистическое государство*.

Субъекты гражданского права выполняют в правоотношении различные функции. Они могут выступать либо в качестве носителей прав, и тогда их именуют *активными субъектами*, либо в качестве носителей обязанностей, и тогда они называются *пассивными субъектами* (разумеется, пассивными не в том смысле, что они ничего не делают, а в том, что выполняемая ими функция *зависит* от характера права, принадлежащего активному субъекту). Нередко, однако, каждый субъект гражданского правоотношения обладает в нем и правами и обязанностями. Так, в правоотношении по купле-продаже продавец имеет право на получение покупной цены, но обязан передать вещь, а покупатель имеет право на получение вещи, но обязан внести покупную цену. В таких случаях каждый субъект правоотношения оказывается активным как носитель права и пассивным как носитель обязанности.

Субъекты права – люди, выступающие индивидуально или в виде организованных коллективов. Значит ли это, что, если перед нами человек или коллектив людей, мы обязательно имеем дело с субъектом права? Нет, не значит.

Раб – человек. Но его классовое положение в рабовладельческом обществе таково, что у него не было никаких прав, он не признавался субъектом права. В буржуазном обществе закон объявляет субъектами права всех людей. Но какой пропастью отделены друг от друга по их фактическому положению капиталист и рабочий, формально признаваемые равноправными субъектами! Трудящийся в условиях капитализма, будучи субъектом права, фактически лишен возможности приобретать и осуществлять подавляющее большинство прав, приобретение которых дозволяется законом. Трудящийся в условиях социализма – хозяин своей жизни, он не только признается субъектом права, но и действительно пользуется многообразными правами, приобретение и осуществление которых ему гарантирует и закон, и самая структура (экономическая и политическая) социалистического общества. Следовательно, правосубъектность – это не просто качество человека или коллектива людей, а определенное их общественное качество, содержание которого зависит от структуры данного общества, его классового состава, от того, является ли данный индивид представите-

⁹¹ С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 32.

лем господствующего или угнетенного класса, либо он – член единого социалистического общества.

Этим, однако, суть вопроса не исчерпывается. Так, советский гражданин является членом социалистического общества независимо от его возраста, состояния здоровья и т. д. Но у гражданина, не достигшего 18-летнего возраста, или у душевнобольного нет некоторых возможностей, принадлежащих совершеннолетнему дееспособному гражданину. Он не может, например, передать свое имущество по наследству, составив завещание, самостоятельно заключать договоры и т. д. Государственные органы в СССР – по своей природе организации социалистические. Тем не менее одни из них признаются субъектами гражданского права – юридическими лицами, а другие гражданской правосубъектностью не обладают.

Выходит, что характер, содержание и даже признание правосубъектности за теми или иными лицами зависят от характера и содержания действующего законодательства. Конечно, все эти вопросы решаются в законе не произвольно. Содержание закона само определяется наличными материальными, экономическими и классовыми условиями. Но в то же время закон не становится пассивным отражением этих условий. Едва ли, например, кто-либо стал бы утверждать, что 18-летний возраст как возраст гражданского совершеннолетия с неизбежностью вытекает из материальных условий жизни советского общества. Видимо, при определении такого возраста многое зависело и от ряда других соображений, принятых во внимание законодателем. Поскольку же в только что разъясненном смысле характер и содержание правосубъектности зависят от характера и содержания действующих законов, надлежит прийти к выводу, что правосубъектность – это не просто общественное, а определенное *общественно-юридическое качество*.

Гражданская правосубъектность как определенное общественно-юридическое качество советского гражданина или юридического лица раскрывается при помощи двух категорий – правоспособности и дееспособности.

Правоспособность – это способность иметь права и обязанности или, как иногда говорят, способность правообладания. Последнее выражение, впрочем, недостаточно точно, ибо оно ориентирует лишь на обладание правами, между тем как правоспособность включает в себя также способность к обладанию обязанностями.

Правоспособность принадлежит любому лицу, признанному субъектом права. В наших условиях каждый гражданин обладает гражданской правоспособностью, т. е. способностью иметь гражданские права и обязанности. Такая способность принадлежит также социалистическим организациям – субъектам гражданского права (юридическим лицам). Да иначе и быть не может. Нельзя стать субъектом гражданского права и в то же время быть лишенным способности обладать гражданскими правами и обязанностями. По самой своей природе гражданская правосубъектность немыслима без гражданской правоспособности.

На первый взгляд может показаться, что это утверждение в известной мере опровергается фактом признания гражданской правосубъектности за малолетними детьми. Правоспособность включает в себя способность иметь не только права, но и обязанности, в то время как малолетние, по первому впечатлению, могут иметь права, но как будто бы не могут быть носителями имущественных, т. е. гражданско-правовых обязанностей. Выходит, что им принадлежит правоспособность лишь в первой ее части, в части правообладания, но что они лишены правоспособности в смысле способности быть носителями гражданских обязанностей.

В действительности, однако, такое предположение – результат очевидного заблуждения. Предположим, что к малолетнему перешло по наследству имущество, обремененное долгами. Получив наследство, он становится носителем не только прав, но и гражданских обязанностей наследодателя, а именно – обязанностей по выплате долгов. Конечно, самые

расчеты с кредиторами будет производить не малолетний, а другие лица, например, его родители. Но они будут производить такие расчеты не из своих денежных средств, а за счет наследственного имущества, перешедшего к малолетнему, поскольку не они, а сам малолетний в этом случае выступает как носитель соответствующих обязанностей. Это убеждает в том, что малолетние, подобно всем другим субъектам гражданского права, обладают правоспособностью в полном смысле этого слова, т. е. способны иметь как гражданские права, так и гражданские обязанности.

Правоспособность обеспечивает возможность обладания гражданскими правами и обязанностями. Но одного этого факта для субъекта гражданского права, по-видимому, недостаточно. Он заинтересован в *осуществлении* своих прав и должен *выполнить* лежащие на нем обязанности. Такая возможность обеспечивается субъекту гражданского права другой его способностью – дееспособностью.

Дееспособность – это прежде всего способность осуществлять свои права и обязанности. Но этим содержание дееспособности не ограничивается. Дееспособность включает в себя также способность собственными действиями приобретать для себя новые права и обязанности. Кроме того, в содержание дееспособности входит способность нести ответственность за совершение недозволенных действий. Сообразно с этим гражданскую дееспособность следует определять как способность самостоятельно приобретать, осуществлять и отвечать за осуществление гражданских прав и обязанностей.

В отличие от правоспособности дееспособностью обладают далеко не все субъекты советского гражданского права. Душевнобольные, а также лица, не достигшие определенного возраста, будучи правоспособными, не признаются дееспособными и потому могут иметь гражданские права и обязанности, но не могут самостоятельно ни приобретать, ни осуществлять их, ни нести ответственность за свои действия.

Как такое положение согласуется, однако, с тем фактом, что все перечисленные лица тем не менее субъекты гражданского права? Субъективное право есть мера дозволенного управомоченному поведению и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. Но если данное лицо не признается способным ни следовать этой мере поведения, ни требовать определенного поведения от других, как же можно признавать его субъектом права? Его тем более, казалось бы, нельзя признать субъектом обязанности, определяющей меру должного поведения ее носителя. Ведь недееспособные не отвечают за свои действия! Как же можно требовать от них соблюдения меры должного поведения?

Приведенные соображения с бесспорностью доказывают, что гражданская правосубъектность включает в себя как правоспособность, так и дееспособность. Но они отнюдь не приводят к выводу, что лица, обладающие правоспособностью и лишены дееспособности, вообще не считаются субъектами права, ибо из них вовсе не следует, что правоспособность и дееспособность обязательно должны быть объединены в одном и том же лице.

Советский гражданский закон – закон страны победившего социализма и строящегося коммунизма, закон общества, в котором впервые в истории утверждается подлинное равноправие между людьми, не может не признавать всех советских людей субъектами гражданского права. Но закон вместе с тем не может признать всех советских людей дееспособными. Дееспособность, закрепленная в законе, опирается на реальную способность людей понимать значение совершаемых ими действий и отдавать себе полный отчет в последствиях, к которым эти действия могут привести. Такая способность у нормального в умственном отношении человека появляется лишь с достижением определенного возраста.

Как же быть? Как выйти из того положения, что субъектами гражданского права должны признаваться все советские люди, даже если закон и не считает их дееспособными, но в то же время гражданская правосубъектность не сводится к одной лишь правоспособности, а включает в себя и дееспособность правосубъектного лица? Выход только один. Если

у правоспособного лица отсутствует дееспособность, ее нужно восполнить при помощи дееспособности других лиц. Так и поступает закон, восполняя отсутствующую у душевнобольных и детей дееспособность при помощи дееспособности родителей или специально назначенных для этих целей лиц, которые приобретают своими действиями гражданские права и обязанности для недееспособных, осуществляют эти права и обязанности, а также несут ответственность за их осуществление.

Гражданская правосубъектность лица составляет *необходимую предпосылку* появления у него гражданских прав и обязанностей. При этом гражданская правосубъектность дает ему возможность иметь не только те права, которыми данное лицо уже обладает, но и любые иные права, обладание которыми ему дозволено советским законом. Так, правосубъектность советского гражданина включает в себя возможность иметь на праве собственности жилое строение при соблюдении определенных, законом предусмотренных условий. Но возможность иметь право собственности на жилое строение и фактическое обладание этим правом – не одно и то же.

Чем же гражданская правосубъектность отличается от субъективного права?

Этот вопрос представляется настолько ясным, что самая его постановка может показаться излишней. Правосубъектность есть предпосылка правообладания; этим она и отличается от субъективного права! Но дело в том, что самую правосубъектность тоже как будто бы можно рассматривать как право. Действительно, правосубъектность включает в себя правоспособность и дееспособность. Но раз я правоспособен, значит, я «имею право» обладать гражданскими правами и обязанностями, а поскольку я дееспособен, я «имею право» приобретать для себя гражданские права и обязанности своими собственными действиями, осуществлять их и т. д. Отличается ли такое «право» от субъективных гражданских прав?

Правосубъектность сходна с субъективным правом в том смысле, что так же, как и субъективное право, она представляет собой меру возможного или дозволенного поведения, ибо, когда государство признает за данным лицом правосубъектность, оно тем самым признает за ним возможность или дозволенность выступать в качестве носителя прав и обязанностей. Но между этими категориями имеется в то же время и весьма существенное различие. Субъективное право – не только мера поведения, дозволенного самому управомоченному, но и возможность требовать определенного поведения от других обязанных лиц. Следовательно, в субъективном праве выражается отношение его носителя как с государством, так и с обязанными лицами. Правосубъектность же, напротив, исчерпывается лишь мерой поведения, дозволенной субъекту права, и не порождает сама по себе возможности требовать определенного поведения от обязанных лиц. Следовательно, правосубъектность есть лишь отношение между данным лицом и государством⁹². Для того же, чтобы на основе правосубъектности возникли субъективные права, необходимо наступление определенных указанных в законе фактов, которые именуются юридическими фактами. Так, для того, чтобы гражданин обладал не только способностью иметь на праве собственности жилой дом, но и самим домом, он должен его построить или купить, а также соблюсти ряд других условий, указанных в законе.

Таким образом, правосубъектность есть отношение с государством, заключающее в себе определенную меру дозволенного субъекту права поведения. Субъективное право есть отношение с государством и с обязанными лицами, заключающее в себе как меру дозволенного поведения, так и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. При этом непосредственно из правосубъектности субъективные права не возникают.

⁹² Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 19–20.

Имея правосубъектность в качестве своей предпосылки, они возникают лишь при наступлении указанных в законе юридических фактов.

Вопрос о соотношении правосубъектности и субъективных прав обсуждается в литературе советского гражданского права давно. При этом такие авторы, как М. М. Агарков и С. Н. Братусь, ставят вопрос о соотношении субъективных прав и правоспособности, полагая, что правоспособность и правосубъектность – понятия равнозначные⁹³.

По мнению С. Н. Братуся, правоспособность – это *абстрактная* способность правообладания, т. е. общая, суммарно выраженная способность иметь все те права и обязанности, обладание которыми дозволено законом. Субъективными правами являются *отдельные* проявления правоспособности, т. е. любые действия, которые совершаются данным лицом как обладателем правоспособности, как субъектом права⁹⁴.

В этих рассуждениях правильно подчеркивается характер правоспособности именно как абстрактной, общей способности обладания предусмотренными законом правами и обязанностями. Нельзя, однако, согласиться с тем, что всякое проявление правоспособности есть уже субъективное право. Когда, например, гражданин обнаруживает клад, он приобретает в связи с этим определенные права, в частности право на вознаграждение, выплачиваемое за найденный клад государством. Стало быть, он действует как правоспособное лицо, проявляет свою правоспособность. Но действие по обнаружению клада есть не субъективное право, а юридический факт, порождающий субъективное право. Между правоспособностью и субъективным правом лежит такое промежуточное звено, как юридические факты. С. Н. Братусь упускает из виду это обстоятельство, когда объявляет субъективным правом всякое отдельное проявление правоспособности.

По мнению М. М. Агаркова, правоспособность не есть абстрактная предпосылка правообладания. Ее содержание всегда конкретно, и не только конкретно, но и динамично, ибо содержание правоспособности каждого данного лица зависит от характера отношений, связывающих его с другими лицами. А так как эти отношения никогда не стоят на месте, а всегда меняются, то вместе с ними меняется и содержание правоспособности, принадлежащей данному лицу. Так, если кто-либо сделал мне предложение заключить с ним договор, я могу принять это предложение и договор будет заключен. Я способен заключить данный договор, а другие лица неспособны, ибо им никто такого предложения не делал. Стало быть, моя правоспособность отличается от правоспособности других лиц, причем это отличие порождено конкретными отношениями, которые у меня уже завязались. Ими и определяется динамическое содержание правоспособности каждого отдельного лица⁹⁵.

В этих рассуждениях правильно подчеркивается та мысль, что непосредственно из правоспособности субъективные права не возникают. Для их возникновения, как уже отмечалось, требуется наступление определенных юридических фактов, лежащих как бы между правоспособностью и субъективными правами. Но когда к правоспособности начинают присоединяться юридические факты, они знаменуют собой процесс образования субъективного права, а вовсе не процесс изменения правоспособности. Способность быть участником договорных отношений имеется у меня независимо от того, сделает или не сделает мне кто-либо предложение о заключении договора. Поступление ко мне предложения о заключении договора открывает процесс создания для меня вытекающих из данного договора прав и обязанностей. Я могу завершить этот процесс, приняв предложение, а могу и не принять его, и тогда начавшийся процесс прекратится. Но моя правоспособность оста-

⁹³ С. Н. Братусь, *Субъекты гражданского права*, стр. 6.

⁹⁴ Там же, стр. 5–6.

⁹⁵ М. М. Агарков, *Обязательство по советскому гражданскому праву*, стр. 70.

нется неизменной, ибо она была и остается общей, абстрактной, суммарно выраженной способностью обладать правами и обязанностями.

Гражданская правоспособность и дееспособность – такие общественно-юридические качества, которые характеризуют гражданскую правосубъектность в целом. Однако эти качества имеют неодинаковое содержание у различных групп, или видов, субъектов советского гражданского права, каждый из которых должен быть изучен самостоятельно.

§ 2. Граждане как субъекты гражданского права

Правоспособность граждан. В применении к гражданам понятие гражданской правоспособности употребляется в двух несовпадающих смыслах.

Иногда под гражданской правоспособностью понимают способность гражданина иметь любые права и обязанности, дозволенные советским законом (*гражданская правоспособность в широком смысле*). Сюда войдут и политические, и имущественные, и личные, и все другие правомочия граждан независимо от того, какой отраслью законодательства они предусматриваются, – государственным, административным, гражданским правом или какой-либо иной отраслью советского права. Изучение гражданской правоспособности в таком широком смысле слова составляет общую задачу совокупности всех юридических дисциплин. Наука гражданского права как одна из отраслей советской юридической науки сама по себе выполнить эту задачу, конечно, не может.

Но понятие гражданской правоспособности употребляется и в другом значении – в смысле способности гражданина иметь не любые, а лишь гражданские (имущественные и личные неимущественные) права и обязанности (*гражданская правоспособность в узком смысле*). Здесь уже гражданская правоспособность ограничивается рамками только одной отрасли советского права – права гражданского, и потому ее изучение составляет специальную задачу советской гражданско-правовой науки.

Правоспособность как одно из выражений правосубъектности есть общественно-юридическое качество, содержание которого определяется характером господствующих в данном обществе отношений и зависит от содержания изданных на основе и в соответствии с этими отношениями законов. В СССР безраздельно господствуют социалистические общественные отношения, отношения подлинного равенства людей, освобожденных от гнета частной собственности и эксплуатации. Поэтому и правоспособность граждан строится в советском законе как *равная* для всех и одинаковая для каждого правоспособность (ч. I ст. 9 ГК), независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания, происхождения и т. п.

Принцип равенства граждан по их правоспособности, естественно, не означает, что сумма гражданских прав, которыми обладает данный гражданин, равна сумме гражданских прав, принадлежащих любому другому гражданину. При социализме действует экономический закон распределения по труду, который находит свое отражение и в советском законодательстве. «В СССР, – указывает ст. 12 Конституции, – осуществляется принцип социализма: “От каждого, по его способности, каждому – по его труду”». Но самый труд в условиях социализма продолжает оставаться неоднородным: лица различных профессий и способностей отдают обществу далеко не одинаковое количество труда. Они получают и неодинаковую оплату от общества, ибо равная оплата может быть произведена только за равный труд. Трудовые доходы советских граждан составляют главный и решающий источник, за счет которого они могут приобретать различные виды имущества. Дифференциация размеров доходов граждан в зависимости от количества и качества труда, затраченного ими в общественном производстве, обуславливает несовпадение в объеме имущественных прав, принадлежащих различным гражданам.

В этом выражаются сохраняющиеся при социализме известные элементы неравенства, отмечавшиеся и К. Марксом в «Критике Готской программы», и В. И. Лениным в гл. V работы «Государство и революция». Их полная ликвидация произойдет лишь в условиях коммунистического общества, когда люди будут трудиться по способностям, но получать от общества ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения их потребностей. Однако те элементы неравенства, которые при социализме сохраняются, коренным образом отличаются от неравенства, свойственного эксплуататорским общественно-экономическим формациям, ибо они являются не результатом присвоения труда одной части общества другой его частью, а следствием того, что каждый получает равную оплату за равный труд, в то время как способности к труду различных людей неодинаковы. В *равной правоспособности* граждан выражается их полное равенство в возможности трудиться по способностям и получать оплату по труду. *Различие в объеме конкретных имущественных прав*, имеющих у отдельных граждан, выражает использование их различных способностей к труду в таких общественных условиях, когда применяется принцип равной оплаты за равный труд.

Таким образом, принцип равной правоспособности советских граждан предопределяется самими экономическими условиями жизни социалистического общества. Они же определяют и *юридическое содержание* правоспособности граждан, выраженное и закрепленное в советском гражданско-правовом законодательстве.

Вопросу о содержании правоспособности посвящена ст. 10 ГК. В ней говорится, что «граждане могут в соответствии с законом иметь имущество в личной собственности, право пользования жилыми помещениями и иным имуществом, наследовать и завещать имущество, избирать род занятий и место жительства, иметь права автора произведения науки, литературы и искусства, открытия, изобретения, рационализаторского предложения, а также иметь иные имущественные и личные неимущественные права».

Не все права, перечисленные в этой статье, носят характер гражданских прав и входят в состав гражданской правоспособности в узком смысле слова. В частности, право избирать род занятий и место жительства подчиняется не гражданскому, а другим отраслям советского законодательства. Кроме того, чтобы составить более полное представление о гражданской правоспособности советского человека, нужно учитывать также ряд закрепленных за ним конституционных прав и возложенных на него конституционных обязанностей.

Конституция предоставляет гражданам такие права, как право на труд, отдых, материальное обеспечение в старости, а также признает за ними и обеспечивает свободу совести, свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, свободу уличных шествий и демонстраций (ст. ст. 118–121; 124–125). Граждане имеют право объединения в различные допускаемые законом общественные организации (ст. 126). Им обеспечивается неприкосновенность личности, жилища и тайна переписки (ст. ст. 127–128). В состав обязанностей, возлагаемых по Конституции на советских граждан, входят: обязанность трудиться (ст. 12), а также обязанность соблюдать Конституцию и другие законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять социалистическую собственность, нести воинскую службу на основании всеобщей воинской обязанности, защищать социалистическое отечество (ст. ст. 130–133).

Из самого перечня конституционных прав и обязанностей советских граждан видно, что далеко не все они относятся к области гражданской или только одной гражданской правоспособности. В этом и нет ничего удивительного. Конституция – *основной закон* Советского государства. Ее нормы имеют поэтому всеобщее значение и не могут ограничиваться рамками какой-либо одной отрасли права. Но вместе с тем ряд конституционных прав и обязанностей особенно важен для гражданского права и должен быть принят во внимание при определении содержания *гражданской* правоспособности.

К их числу относится прежде всего право на труд и обязанность трудиться. Труд – основной источник доходов советских граждан, за счет которых последние вступают в разнообразные имущественные отношения. В этом смысле право на труд и обязанность трудиться не только входят в состав гражданской правоспособности, но и образуют ее основное ядро. При помощи норм гражданско-правового законодательства может быть, далее, осуществлено право граждан на объединение в различные допускаемые законом общественные организации, если последние создаются в качестве юридических лиц и становятся поэтому субъектами гражданского права. Наряду с другими отраслями советского права гражданско-правовые нормы охраняют неприкосновенность личности и неприкосновенность жилища. Они обеспечивают также исполнение таких обязанностей, как обязанность соблюдать Конституцию и другие законы, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять социалистическую собственность.

Таким образом, в содержание правоспособности граждан входит огромный комплекс разнообразных имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей. Их исчерпывающего перечня не дает ни Конституция, фиксирующая лишь основные права и обязанности граждан, ни ст. 10 ГК, которая не могла бы дать такого перечня, если бы при ее формулировании и ставилась подобная задача. Для того, чтобы этот перечень был близким к исчерпывающему, нужно было бы упомянуть в нем все имущественные и личные неимущественные отношения граждан, допускаемые советским законом. Практической надобности в этом нет, не говоря уже о том, что и подобный перечень не был бы исчерпывающим, ибо советский гражданский закон разрешает при определенных условиях устанавливать и такие имущественные отношения, которые прямо им не предусмотрены. Поэтому посвященная данному вопросу общая норма Гражданского кодекса должна ограничиться лишь наиболее общей характеристикой прав и обязанностей граждан, образующих содержание их гражданской правоспособности.

Из принципа равенства гражданской правоспособности вытекает недопустимость, по общему правилу, ее ограничения. Это правило закреплено в ч. I ст. 12 ГК, которая допускает возможность ограничения в правоспособности только в случаях и в порядке, определенных законом. По действующему законодательству, ограничение в правоспособности может быть произведено лишь путем назначения в порядке уголовного судопроизводства наказания за совершенное гражданином преступление. При этом гражданин не может быть лишен правоспособности полностью. Допускается ограничение только в тех правах, которые перечислены в самом законе (см. ст. 21 Уголовного кодекса РСФСР). Кроме того, даже и в отдельных правах он не может быть ограничен пожизненно или бессрочно. Назначение такой, например, меры наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью, ограничивается по ст. 29 УК сроком от одного года до пяти лет.

Поэтому, когда народный суд г. Тбилиси приговорил шофера автомашины за допущенное им нарушение дисциплины на транспорте к семи годам лишения свободы с последующим запрещением работать водителем автомашины навсегда, Верховный Суд СССР специально отметил ошибочность приговора в последней его части, принятой в нарушение правил закона о том, что ограничение в правах может быть произведено лишь на определенный срок⁹⁶.

Не следует, однако, смешивать ограничение правоспособности со случаями лишения гражданина тех или иных принадлежащих ему субъективных прав, которое может и не быть связано с установлением определенных сроков. Например, лишение родительских прав не ограничивает правоспособность, а лишь поражает права родителей в отношении данного

⁹⁶ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 23–24.

ребенка. Поэтому правило ст. 46 КЗоБСО РСФСР, не ограничивают лишение родительских прав каким-либо сроком, не противоречит изложенному ранее положению о недопустимости бессрочного ограничения в правоспособности.

Теоретически возможны, хотя практически встречаются крайне редко, попытки ограничения правоспособности (или дееспособности) гражданина при помощи заключаемого с ним договора. Предположим, что например, супруги, расторгая брак, приходят к соглашению (подтвержденному судебным решением) об оставлении ребенка при матери и, кроме того, договариваются о том, что, если мать вступит в брак до достижения ребенком совершеннолетия, он должен быть передан отцу. Такой договор не только не будет иметь значения для последующего определения судьбы ребенка (этот вопрос советский суд решает, руководствуясь всецело и исключительно задачей охраны интересов детей), но и вообще не приобретает юридической силы, как направленный к ограничению право- и дееспособности (в частности, брачной право-дееспособности) одного из супругов. Пресекая попытки заключения подобных договоров, ч. II ст. 12 ГК устанавливает, что сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, недействительны.

В такой же мере недействительны договоры, по которым одна из сторон принимает на себя обязательство не обращаться в суд, арбитраж или третейский суд за защитой ее нарушенных гражданских прав. Гражданская правоспособность как способность иметь гражданские права утратила бы реальное значение, если бы она не включала в себя способность обратиться за защитой своих прав к компетентным государственным органам. Таким органом для споров о праве гражданском является суд или арбитраж, а при определенных условиях – третейский суд. Поэтому так называемая процессуальная правоспособность (способность получения судебной защиты гражданских прав) органически связана с общегражданской правоспособностью и, следовательно, так же, как и гражданская правоспособность вообще, не может быть ограничена путем заключения соответствующих договоров. Если бы, например, автор литературного произведения заключил договор об издании произведения без уплаты гонорара и принял на себя обязательство не обращаться с иском о взыскании гонорара в суд, но впоследствии все же такой иск предъявил, дело все равно было бы рассмотрено судом по существу, так как отказ от права обращения к суду недействителен (ст. 3 ГПК).

Правоспособность возникает у граждан с момента рождения (ч. II ст. 9 ГК). Это не означает, конечно, что она создается самим фактом рождения. Тогда правоспособность была бы не общественной, а естественной категорией. С фактом рождения закон связывает возникновение гражданской правоспособности. Но создается эта категория людьми, а не природой, она порождается общественными отношениями, а не естественными факторами и нормируется юридическими, а не биологическими законами. Отмеченное обстоятельство важно для понимания не только приведенного общего принципа относительно момента возникновения гражданской правоспособности, но и исключительных правил по этому поводу, известных советскому закону.

Так, согласно ст. 530 ГК указанные в ней лица могут быть наследниками не только, если они находились в живых к моменту смерти наследодателя, но и когда эти лица были зачаты при жизни, а родились после смерти наследодателя. Можно ли на этом основании утверждать, что в области наследственных правоотношений возникновение правоспособности связывается законом не с моментом рождения, а уже с моментом зачатия? Субъектами права могут быть только люди. Это правило не знает никаких исключений. Не устанавливает исключений из него и ст. 530 ГК, которая ставит своей задачей лишь охрану интересов будущих, возможных субъектов права. Если же зачатый ребенок родится мертвым, причитавшаяся ему доля будет разделена не между его наследниками, а между наследниками ранее

умершего наследодателя, что было бы невозможно в случае признания зачатого ребенка субъектом права.

Гражданская правоспособность сопутствует человеку на всем протяжении существования последнего, независимо от его возраста, состояния здоровья, жизнеспособности и т. д. Прекращение правоспособности гражданина закон связывает с моментом его смерти (ч. II ст. 9 ГК). Если человека ошибочно считают умершим и даже при определенных условиях производят соответствующую отметку в книгах записи актов гражданского состояния, то, поскольку он фактически продолжает жить, он сохраняет гражданскую правоспособность, остается субъектом гражданского права, как бы отрицательно на отдельных принадлежащих ему правах ни сказалось возникшее по ошибке предположение о его смерти.

Бывают, однако, случаи, когда гражданин длительное время отсутствует в месте своего постоянного жительства, не подает о себе никаких известий и, несмотря на все принимаемые меры, установить его местопребывание невозможно. Если известно, что данный гражданин скрылся, уклоняясь от уплаты алиментов или в связи с возбужденным против него уголовным преследованием, разумно предположить, что он жив, но не является к месту своего постоянного жительства по указанным причинам. Напротив, при отсутствии таких и иных подобных причин лицо само было бы заинтересовано либо сообщить о своем местопребывании, либо прибыть к месту своего постоянного жительства, где проживают его родные и друзья, где находится его имущество. И если тем не менее гражданин не делает ни того, ни другого, а установить его местопребывание невозможно, разумно предположить, что это происходит только по одной причине – вследствие смерти данного лица.

Обстоятельства, дающие основания для такого предположения, порождают крайнюю неопределенность в правоотношениях, участником которых отсутствующий является. Эти правоотношения продолжают существовать. Но если отсутствующий умер, ни о каком сохранении правовых отношений с ним не может быть и речи. Его имущество должно перейти к наследникам, а заинтересованные лица должны получить возможность предъявить к наследникам соответствующие претензии. Если же отсутствующий жив, но отсутствует длительное время по не зависящим от него причинам, нужно принять, в его же собственных интересах, меры по сохранению его имущества, а также, не дожидаясь его возвращения, обеспечить удовлетворение законных интересов других лиц, связанных с ним различными правоотношениями. Всем этим целям и служат правила о *безвестном отсутствии*, формулированные ст. ст. 18–22 ГК⁹⁷.

Гражданин, безвестно отсутствующий в течение одного года, признается по требованию заинтересованных лиц *безвестно отсутствующим*. Течение установленного законом годового срока начинается со дня получения последних сведений о месте пребывания отсутствующего, либо, если этот день установить невозможно, с первого числа месяца, следующего за тем месяцем, когда были получены последние сведения, либо, наконец, с 1 января следующего года, если даже и месяц получения последних сведений о данном лице не удастся установить. Ставить вопрос о признании гражданина безвестно отсутствующим могут заинтересованные лица (наследники, иждивенцы и др.), а решает этот вопрос суд по месту жительства заявителя.

На основании решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим органы опеки и попечительства устанавливают над его имуществом опеку⁹⁸: имущество по описи передается специально назначенному опекуну, который принимает меры, необходимые для обеспечения его сохранности, и погашает за счет этого имущества задолженность

⁹⁷ См. также ст. ст. 252–257 ГК.

⁹⁸ Это может быть сделано по предложению судьи и сразу же после принятия заявления, не дожидаясь разрешения дела по существу.

по обязательствам безвестно отсутствующего, в частности выдает содержание гражданам, имеющим по закону право на его предоставление безвестно отсутствующим (выплата алиментов, возмещение вреда, вызванного причинением увечья, и др.). По заявлению заинтересованных лиц орган опеки и попечительства вправе и до истечения года со дня получения последних сведений о местопребывании отсутствующего гражданина назначить опекуна для охраны его имущества. Но после истечения годовичного срока ранее учрежденная опека должна быть заменена опекой, которая вводится на основе судебного решения о признании гражданина безвестно отсутствующим.

Такое признание влечет за собой и некоторые другие юридические последствия. Супруг безвестно отсутствующего может теперь ставить в установленном порядке (ст. ст. 82, 118, 141, 144, 197 ГПК) вопрос о расторжении с ним брака именно по этим основаниям, а его иждивенцы при наличии других предусмотренных законом условий приобретают право на назначение им пенсии по тем же правилам и в том же объеме, в каком вообще назначаются пенсии по случаю потери кормильца (п. 60 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденного Советом Министров СССР 4 августа 1956 г.).

Отмена решения о признании гражданина безвестно отсутствующим производится тем же судом, которым оно было принято. Основанием такой отмены служит явка гражданина в место своего постоянного жительства либо обнаружение факта его пребывания в другом месте. Одновременно отменяется учрежденная над имуществом этого гражданина опека и прекращается выдача пенсий его иждивенцам, а ранее выплаченные пенсии взыскиваются с явившегося, если будет выявлена допущенная им недобросовестность. Однако произведенное его супругом расторжение брака остается в силе, и для восстановления супружеских отношений необходимо вновь зарегистрировать брак.

Гражданин, безвестно отсутствующий в течение трех лет, может быть по требованию заинтересованных лиц объявлен *умершим*. Если же он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью (например, землетрясение) или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая (например, кораблекрушения), вопрос об объявлении его умершим может быть решен уже по истечении шести месяцев со времени наступления этих событий. Особый срок применяется к объявлению умершим военнослужащего или иного гражданина, пропавшего без вести в связи с военными действиями. До окончания войны объявление их умершими не допускается, ибо пока идут военные действия, не обязательно гибель, но и сами эти действия могут препятствовать явке отсутствующего. Для внесения определенности в его правовое положение нужно, чтобы прошло какое-то более или менее длительное время после окончания войны, но именно после ее фактического окончания, а не заключения мира. Поэтому в ч. II ст. 21 ГК для объявления умершими указанных лиц введен двухгодичный срок, текущий с момента окончания военных действий. Истечение указанных сроков служит основанием для постановки вопроса об объявлении гражданина умершим, хотя бы в свое время он и не признавался безвестно отсутствующим, так как признание безвестно отсутствующим не рассматривается законом в качестве обязательной стадии, через которую нужно пройти впредь до объявления того же лица умершим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.